МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Г. В. СУДАКОВ

ГЕОГРАФИЯ СТАРОРУССКОГО СЛОВА

Учебное пособие по спецкурсу

ВОЛОГДА 1988

СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СТАРОРУССКОЙ ЛЕКСИКИ

Использование данных лексики для решения проблемы диалектного членения русского языка донационального периода имеет известную традицию. Особенно значительны успехи советских исследователей в описании лексического состава старорусских памятников, связанных с отдельными территориями или культурно-письменными центрами, например, с бассейном Северной Двины (Н. С. Бондарчук, В. Я. Дерягин, И. А. Елизаровский, Б. А. Ларин), с Великим Новгородом и Псковом (В. В. Ильенко, В. И. Максимов, О. С. Мжельская, В. П. Строгова, В. И. Щеголихина), с Белозерьем (Е. П. Андреева, Ю. И. Чайкина), с Москвой и Подмосковьем (В. Н. Прохорова, Г. А. Якубайлик), с югом России (С. И. Котков, Н. К. Соколова, В. И. Хитрова), с Рязанью и Смоленском (Е. Н. Борисова), с Зауральем и Сибирью (Н. Н. Бражникова, А. А. Горбунова, Л. Г. Панин, В. В. Палагина, О. Г. Порохова, Е. Н. Полякова, Г. А. Христосенко, Н. А. Цомакион). Однако наблюдения над словарем старорусского языка в географической проекции еще не носят систематического характера, они не скоординированы, полученные результаты до сих пор не обобщены, лексика многих, в том числе центральных регионов остается не обследованной, поэтому нет общей картины территориального распределения лексики в преднациональную эпоху. Добавим, что практически не было и попыток воссоздать полностью диалектное состояние русского языка XVI—XVII вв., хотя, по мнению В. Г. Орловой, начальный этап национального периода (XVII—XVIII вв.) был «особенно важным для оформления диалектного членения русского языка в его современном виде» (Образ. севернорус. наречия 1970, 223). Диалектное членение средневековой Руси реконструируется для периода не позднее XIV—XV вв., т. е. эпохи формирования языка великорусской народности, причем главным образом на основе фонетико-морфологических данных современных говоров (Горшкова 1972; Образ. севернорус. наречия 1970; Хабургаев 1980). Вместе с тем существует определенное мнение, что «создание русской диалектографии, основанной на показаниях памятников,— задача вполне реальная» (Котков 1975, 14), что «создавать русскую историческую диалектологию на базе одних современных

говоров невозможно» (Чайкина 1976, 106). В. В. Колесов справедливо считает, что «доверие к диалектным материалам преувеличено настолько же, насколько преувеличено недоверие к материалам, извлеченным из письменных источников» (Общ. проблемы 1969, 58). Богатые архивные собрания памятников письменности XVI—XVII вв. и уже выполненные лексикологические описания части из них позволяют приступать к воссозданию лингвистического ландшафта прошлого, используя диалектные данные более поздних периодов лишь для сравнения. Конечно, полученные данные не могут носить окончательный характер, ареалы слов не всегда могут быть установлены с абсолютной точностью, но все же, если для языка XI—XV вв. говорят лишь о некоторых предполагаемых диалектизмах, то для периода XVI—XVII вв. в большинстве случаев можно выявить диалектизмы очевидные.

Выявление общерусского и отграничение местного — важнейшая задача исторической лексикологии русского языка XV—XVII вв., от решения которой зависит определение словарного вклада отдельных территорий в сокровищницу общерусского национального языка, воссоздание широкой ретроспективы территориальной дифференциации лексики, изучение соотношения и взаимодействия словаря центра с лексикой областных культурных центров, установление времени формирования отдельных тематических и лексико-семантических групп и т. д., «именно в лексике историко-диалектологические исследования с широким использованием локализованных и датированных текстов представляются наиболее перспективными» (Дерягин, Комягина 1968, 118). В 1965 г. акад. В. В. Виноградов писал: «Вопрос о тех словарных вкладах, которые сделаны в сокровищницу общерусского национального языка отдельными областями России, у нас почти не затронут» (Виноградов 1978, 210).

Основной проблемой исторической лексикологии и исторической диалектологии русского языка является проблема формирования и развития русского национального бытового словаря, к которой примыкают и более частные, как роль народно-разговорной речи и языка деловой письменности в развитии бытового словаря, территориальное распределение лексики в языке Московской Руси, степень северно- и южновеликорусского участия в начальном процессе формирования общерусских лексических средств; взаимодействие в области лексики языка художественной литературы, народно-разговорной речи и языка деловой письменности. В старорусский период, как известно, усилилось взаимодействие диалектов, возник-

ли переходные среднерусские говоры, произошло уточнение границ отдельных диалектных объединений. Все эти процессы хорошо отражает лексика, поэтому «обследование и разъяснение лексики XVI—XVIII вв. дают историческое освещение основному составу словаря современного русского языка» (Ларин 1936, 9—10). Разработка указанных проблем возможна на путях объективного, с учетом всего жанрово-стилевого и территориального разнообразия текстов, осмысления языковой ситуации в преднациональной России, массового и равномерного обследования источников разной локализации и анализа их данных в сравнении с выводами современной диалектной лексикологии.

Выводы о географии слов и связанных с ними предметов, сделанные на ограниченном материале, нередко бывают ошибочными. Так, Н. К. Соколова включала в воронежские диалектизмы XVII в. такие общерусские лексемы, как *варега, голица, корец, корчага, кошелка, лукошко, напол* 'род кадки', *ставец* 'род посуды', *стойка* 'род бочки' (Соколова 1958, 175—183). Б. А. Ларин относил к южноруссизмам слова *армяк, кафтан* и *однорядка* (Ларин 1975, 234), которые в XVI—XVII вв. бесспорно имели общерусский характер, правда, *армяк* — лишь с конца XVII в. Е. Н. Полякова находит среди южноруссизмов название девичьего головного убора *перевязка* (Полякова 1977, 47), хотя оно было представлено среди южнорусских говоров лишь в смоленском, имеющем переходный характер. В. В. Виноградов считал, что слово *опашень* было в XV—XVI вв. севернорусизмом (Виноградов 1978, 280), хотя в действительности оно гораздо шире было распространено в среднерусской письменности. М. Г. Рабинович полагает, что о *зипунах* упоминается лишь однажды в воронежском акте последней четверти XVII в. (Древняя одежда 1986, 70), хотя это общерусское наименование, фиксируемое в источниках с 1577 г., а его деминутив *зипунишко* — с 1568 г., см., например: продал кафтан зенденинной вишнев да зипунишко зенденинное да телогрѣнцо заечинное (Кириллов, 1568 г., кн. пр. К.-Бел. м. № 1, л. 9 об.— КДРС); зипун тафта жолта стеган... зипун тафта празелена (Москва, 1577 г., платье царя Ив. Вас.— Заб. Дом. быт 2, 859, 870).

В историко-диалектологических работах прежде всего важно предельно точно определить тематические группы анализируемой лексики. Выбор для анализа тех или иных лексико-тематических групп определяется целями исследования, при этом учитывается степень древности слов, устойчивость их в языке и другие признаки. Не случайно, например, для выяснения

наиболее древней картины диалектов на определенной территории в первую очередь исследуют географическую терминологию, лексику земледелия и т. п. Учитывая неодинаковые темпы изменяемости разных групп лексики, целесообразно при изучении лингвогеографической ситуации конкретного периода обратиться к анализу не устойчиво консервативных систем географической, земледельческой, административной терминологии, а к изучению предметно-бытовой лексики из сфер «одежда», «утварь», «пища», «постройки», обладающей большой динамикой, чутко реагирующей на изменения «вещного» мира. Обозначая жизненно важные реалии, по-разному эволюционирующие на разных территориях, эти слова меняют свой семантический объем и парадигматические связи, что обусловливает их территориальную дифференциацию, особенно развитую в кругу конкретных названий. Здесь немало и чисто этнографической лексики, называющей реалии локального распространения.

Предметно-бытовая лексика благодаря постоянной необходимости для общения и широкой употребительности (в силу ежедневной потребности в называемых предметах) является одной из основных частей словаря любого языка, причем хорошо отражающей малейшие изменения в развитии словарного состава данного языка. В донациональный период при существовавшем тогда уровне грамотности и образования бытовой словарь для большинства пользующихся русским языком был основным элементом устного общения. Что касается его использования в письменной речи, то, как известно, письменная речь Московской Руси имела несколько разновидностей, различавшихся по ряду признаков, в частности, и по использованию бытовой лексики. Книжно-письменные источники содержали незначительное число подобных слов. В деловой письменности и частной переписке, близко связанных со сферой устного общения, слова бытового характера употреблялись относительно свободно. Сохраняет свое значение предметно-бытовая лексика в устной речи и письменности национального периода. Таким образом, актуальность изучения предметно-бытовой лексики русского языка преднационального периода (XVI—XVII вв.) объясняется важной ролью этой части старорусского словаря в повседневном речевом обиходе и в литературном языке, отражением в истории его развития сложных процессов формирования национальной лексической нормы, распределения лексики по сферам и регионам употребления, а также слабой изученностью всех этих процессов. Особая подвижность бытовой лексики делает более заметными изменения в составе, взаимоотношениях и границах диалектов. Точная локализация этой

лексики во времени и пространстве позволяет довольно объективно характеризовать общую картину диалектов и состояние определенного говора в то или иное время.

При изучении языка Московской Руси необходимо учитывать воздействие факторов административного, социально-экономического и историко-культурного характера. Уже в XV в. основные русские территории были объединены под властью Москвы, к середине XVI в. присоединяются окраинные области: Псков — 1510 г., Смоленск — 1514 г., Рязань — 1521 г., Белев, Трубчевск и Путивль — 1523 г. К концу XVI в. в составе России появляются Орел (1566 г.), Воронеж (1586 г.), Белгород (1593 г.), Курск (1597 г.). Города становятся центрами торговли и промышленности, культуры и просвещения, их жители активно общаются с населением самых разных мест, так, Устюг Великий и Псков имели торговые связи почти с 40 городами, а список рыночных связей Москвы насчитывал 157 городов и 41 уезд (Ист. СССР 1967, 20, 25; Мерзон, Тихонов 1960, 9, 240; Тверская 1959, 79—80). Со второй половины XVI в. формируется централизованный бюрократический аппарат, делопроизводственная деятельность которого оказала определенное нормализующее воздействие на язык местных канцелярий, хотя процесс формирования и распространения нормы осуществлялся узуальным путем. Названные процессы повлекли за собою интенсивное междиалектное взаимодействие, способствовали складыванию общерусской нормы в письменной речи и общерусского фонда средств в сфере разговорно-обиходного общения, ускоряли языковую интеграцию нации. В XVII в. общность русской народности приобретает сравнительную устойчивость, начинается переход ее в нацию (Ленин 1, 153—154; Ленин 25, 258—259).

МЕТОДЫ И ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Идея лингвистического картографирования диалектных данных русского языка была впервые высказана И. И. Срезневским (Срезневский 1851, 6), но историческая лингвогеография еще слабо разработана. Вопросы методики в этой области обсуждались мало. Основными здесь являются выбор источников, техника сбора материала, графическое оформление результатов, их интерпретация. Все эти вопросы применительно к старорусскому периоду имеют некоторую специфику по сравнению с методами работы с современным материалом.

Прежде всего необходимо подобрать тексты, разнообразные в жанрово-тематическом отношении, так как характер функци-

опирования в них лексем в зависимости от этого не был одинаковым. Ср. мысль А. С. Герда о том, что «относительно полная история диалекта может быть воссоздана в целом только как история регионального языка во всем многообразии речевых ситуаций и типов текста» (Герд 1982, 208).

Все тексты должны иметь строго фиксированную территориальную приуроченность. Неравномерное распределение сохранившихся письменных источников по территории России предполагает необходимость привлечения к анализу максимально возможного их числа. Большая часть памятников местной письменности связана не с малыми населенными пунктами (впрочем, понятие о больших и малых селениях в то время сильно отличалось от современного: только самые крупные города насчитывали более 500 дворов, а деревни в 10—15 дворов были обычным явлением), а с административно-территориальными центрами, т. е. уездными городами. Это обстоятельство определяет разреженную сетку пунктов и невозможность установить точные изоглоссы. Кроме того, не все письменные центры представлены текстами, содержащими нужный материал, поэтому на нынешнем этапе исследования указание на незафиксированность слова в том или ином пункте может обозначать не отсутствие слова, а отсутствие информационно насыщенного текста, отражающего говор данной территории. Дальнейшее увеличение числа источников и исследованных лексических групп сделает картину более конкретной и точной. В диалектологии обычно исследуются противопоставленные факты. В исторической лингвогеографии, учитывая особенности изучаемой лексики, можно привлекать и непротивопоставленные явления, особенно те, которые позднее тоже становятся в оппозиционные ряды.

Важной, но трудоемкой задачей является фиксация типичных для данной территории слов — «метод ареальной реконструкции» (Филин 1982, 12). Частота употребления лексемы является географически варьирующимся показателем, поэтому важно учитывать употребление слова в письменности данного пункта хотя бы до условного минимума (10 употреблений), но в текстах, написанных разными авторами (не менее чем в трех разных источниках). В случаях единичной фиксации слов в пунктах, далеко отстоящих от основной территории употребления, выводы о географии слов формулируются достаточно осторожно.

Целесообразно последовательное оформление материала вначале в таблицы, играющие роль исходных карт, а затем в

сводные таблицы или карты изоглосс (о типах лингвистических карт см.: Сухачев 1974, 37—38). Таблицы в нашей работе имеют два вида: полные, включающие все слова тематической микрогруппы, и дифференциальные, отражающие только региональную лексику. К сожалению, ареалы распространения предметов одежды, утвари и т. д. на русской территории в XVI—XVII вв. пока не установлены, что делает невозможным сопоставление изоглосс и изопрагм. Конечной целью лингвогеографического анализа на материале письменных источников, как и по данным полевых наблюдений, является установление диалектного членения языка, отграничение общерусского от местного. Обратим внимание на трудности разграничения междиалектного, не узколокального средства и общерусского разговорного, так как и в донациональный период в языке функционировали, кроме разговорных слов общерусского употребления, междиалектные лексические средства, употребляемые в нескольких или даже многих пунктах и связанные с несколькими диалектными континуумами. Разграничить эти явления при отсутствии в донациональную эпоху четкой противопоставленности «литературное — диалектное», «общеупотребительное — диалектное» можно только путем накопления фактов, дальнейшего расширения источниковой базы, развития региональной исторической лексикографии.

Местные речевые явления в ту пору не были противопоставлены средствам литературного языка в отличие от современных диалектизмов, поэтому для обозначения локальных фактов прошлого требуется особый термин — «локализм» или «регионализм». Старорусскому локализму свойственны ограниченный ареал употребления, устанавливаемый по памятникам письменности, приуроченным к определенной территории; отсутствие данного слова в текстах общерусского распространения; противопоставленность его элементам общерусского употребления; возможное сохранение словом локального характера и в последующие периоды. Основным в ряду перечисленных признаков является первый. Ф. П. Филин считал особо значимым последний признак (Филин 1968, 387—388), но применительно к предметно-бытовой лексике — довольно подвижному разряду слов это вряд ли справедливо.

Приведем список основных культурно-письменных центров России XVI—XVII вв., с которыми связаны привлеченные нами для исследования тексты. **Севернорусская зона:** Архангельск, Бежецк, Белозерск, Вага (Важский Богословский монастырь), Валдай, Великие Луки, *Великий Новгород*, *Великий Устюг*, Весьегонск, Ветлуга, *Вологда*, *Галич*, Каргополь, Ки-

риллов, Кола, *Кострома*, Олонец, Онега, Опочка, Осташков, *Псков*, Свирь (Свирский монастырь), Сия (Антониево-Сийский монастырь), Соловки (Соловецкий монастырь), Сольвычегодск, Старая Русса, Тарногский Городок, Тихвин, Торонец, Тотьма, Углич, Усть-Вымь, Устюжна, *Хлынов*, Холмогоры, Чаронда, Ям, Яренск, *Ярославль*. **Среднерусская территория:** Алатырь, Арзамас, Владимир, Волоколамск, Вязники, Вязьма, Городец, Гороховец, Дмитров, Дорогобуж, Зарайск, Звенигород, *Казань*, Калязин, Касимов, Кашин, Кашира, Клин, *Коломна*, Медынь, Можайск, Москва, Муром, *Нижний Новгород*, *Переяславль-Залесский*, Ржев, Ростов, Рязань, Саранск, Свияжск, Серпухов, Симбирск, Суздаль, Тверь, Торжок, Шуя, Юрьев-Польский, Юрьевец. **Южнорусская зона**: Алексин, Астрахань, Белгород, Белев, Валуйки, Воронеж, Дедилов, Елец, Инсар, *Калуга*, Короча, Кромы, Курск, Лебедянь, Лихвин, Мценск, Новосиль, Обоянь, Орел, Острогожск, Путивль, Севск, Смоленск, Старый Оскол, Тамбов, Темников, Тула, Усмань, Черкасск, Черневск, Яблонов. **Зауралье, Сибирь и Дальний Восток:** Албазин, Верхотурье, Енисейск, Иркутск, Колыма, Кунгур, Ленский острог, Мангазея, Нерчинск, Пелымь, Тара, Тобольск, Томск, Туруханск, Тюмень, Чердынь, Шадринск, Якутск (см. схему «Культурно-письменные центры России XVI—XVII вв.»). Полный анализ текстов по всем названным пунктам учеными пока не выполнен. Из 16 наиболее крупных городов России, насчитывающих более 500 дворов (выделено курсивом), два: Балахна и Соль Камская — нами не учтены, источники из этих пунктов не изучались и другими исследователями.

Нужно учесть, что за одним географическим пунктом скрывается несколько местных канцелярий не только данного уездного центра, но и рядом находящихся селений, а также расположенные на территории данного уезда монастыри. Во всех случаях, где это возможно, учитывались данные других исследователей по тому или иному региону, в частности, предоставленные нам неопубликованные материалы (В. Я. Дерягиным — по Ваге, Ю. И. Чайкиной — по Белозерску, В. И. Хитровой — по Воронежу, Г. А. Христосенко — по Нерчинску), за которые автор приносит благодарность названным товарищам. Хронология источников далеко не одинакова, например, южновеликорусские тексты сохранились лишь с конца XVI века, что требует осторожности в выводах о географии отдельных слов. На севернорусской и среднерусской территориях представлено несколько большее число культурно-письменных центров, чем на юге и в Сибири (ср.: север — 39, средняя Россия — 38, юг —

КУЛЬТУРНО-ПИСЬМЕННЫЕ ЦЕНТРЫ РОССИИ XVI - XVII вв.
• МЕНЕЕ 500 ДВОРОВ
◎ БОЛЕЕ 500 ДВОРОВ
КОЛА
СОЛОВКИ
АРХАНГЕЛЬСК
ХОЛМОГОРЫ
ОНЕГА
СИЯ
ЯРЕНСК
УСТЬ-ВЫМЬ
КАРГОПОЛЬ
ВАГА
СОЛЬВЫЧЕГОДСК
ОЛОНЕЦ
ЧАРОНДА
В. УСТЮГ
ЧЕРДЫНЬ
СВИРЬ
ТОТЬМА
СОЛЬ КАМСКАЯ
БЕЛОЗЕРСК
КИРИЛЛОВ
ЯМ
ТИХВИН
ВОЛОГДА
УСТЮЖНА
ГАЛИЧ
ХЛЫНОВ
В. НОВГОРОД
ВАЛДАЙ
БЕЖЕЦК
ЯРОСЛАВЛЬ
ВЕТЛУГА
ПСКОВ
СТ. РУССА
ТОРЖОК
КОСТРОМА
ГОРЬЕВЕЦ
В. ЛУКИ
ТВЕРЬ
РОСТОВ
ЗАЛАХНА
ОПОЧКА
РЖЕВ
КАШИН
ЮРЬЕВ
ВЛАДИМИР
Н. НОВГОРОД
СВИЯЖСК
КАЗАНЬ
МОЖАЙСК
МОСКВА
СМОЛЕНСК
ВЯЗЬМА
КОЛОМНА
МУРОМ
АРЗАМАС
АЛАТЫРЬ
ДОРОГОБУЖ
КАСИМОВ
КАЛУГА
РЯЗАНЬ
ТЕМНИКОВ
СИМБИРСК
ТУЛА
ЛИХВИН
ДЕДИЛОВ
САРАНСК
БЕЛЕВ
ЧЕРНЕВСК
ИНСАР
МЦЕНСК
ТАМБОВ
ОРЕЛ
КРОМЫ
НОВОСИЛЬ
ЛЕБЕДЯНЬ
ЕЛЕЦ
СЕВСК
КУРСК
УСМАНЬ
СТ. ОСКОЛ
ВОРОНЕЖ
ОБОЯНЬ
ЯБЛОНОВ
ПУТИВЛЬ
КОРОЧА
ОСТРОГОЖСК
БЕЛГОРОД
1. ТАРНОГСКИЙ ГОРОДОК
2. ТОРОПЕЦ
3. ОСТАШКОВ
4. УГЛИЧ
5. КАЛЯЗИН
6. КАШИН
7. ШУЯ
8. ПЕРЕЯСЛАВЛЬ-ЗАЛЕССКИЙ
9. СУЗДАЛЬ
10. ВЯЗНИКИ
11. ГОРОХОВЕЦ
12. ВОЛОКОЛАМСК
13. ЗВЕНИГОРОД
14. ДМИТРОВ
15. МЕДЫНЬ
16. СЕРПУХОВ
17. АЛЕКСИН
18. КАШИРА
19. ЗАРАЙСК

31, Сибирь — 18), что объясняется наличием здесь крупного количества монастырей, особенно в Вологодском и Белозерском уездах. В монастырях имелись большие библиотеки: Ферапонтов монастырь имел 352 книги (опись 1665 г.— ГА Волог. обл., ф. 883, № 40, лл. 35—53), Корнильево-Комельский — 364 (опись 1656 г.— там же, № 28, лл. 41—52); Спасо-Прилуцкий — 407 (опись 1654 г.— там же, ф. 512, № 44, лл. 53—62 об.); Спас-Каменный — 411 (опись 1670 г.— там же, ф. 883, № 44, лл. 40—46). До двух тысяч книг насчитывали библиотеки Кирилло-Белозерского, Соловецкого, Троице-Сергиева монастырей, где и писались книги (Розов 1971, Кукушкина 1977).

В соответствии с целями пособия примеры из рукописей подаются с сохранением особенностей подлинника; пропущенные буквы и знаки препинания не восстанавливаются, выносные вносятся в строку, некоторые буквы по техническим соображениям заменяются современными графическими соответствиями. Цитаты из источников, опубликованных по правилам старой орфографии, переводятся на современную орфографию. Во всех случаях, когда это возможно, указывается место и точная дата написания текста, тип документа. Свидетельств местного происхождения большинства создателей старорусских текстов вполне достаточно, например, в таких городах, как Великий Устюг, Белозерск, Вологда, Тотьма, число грамотных на посаде обычно превышало 15%, а в северных волостях среди крестьянского населения доходило до 4% (Судаков 1973, 219). Иллюстративный материал подается в минимально необходимом объеме, география слова приводится в обобщенном виде (дается перечень пунктов или таблица), случаи редкого употребления слова специально отмечаются. В пособии использованы старорусские тексты, хранящиеся в ряде центральных и местных архивов: Центральном государственном архиве древних актов, архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР, отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, отделе письменных источников Государственного Исторического музея, Вологодском и Архангельском областных архивах, Вологодском областном музее, а также источники, опубликованные в дореволюционных и современных изданиях. Подробная характеристика источников дана в работах; Судаков 1983, 9—19; Судаков 1984.

В качестве дополнительных источников используются также лексические материалы предшествующего и последующего периодов истории восточнославянских языков с тем, чтобы восстановить схему развития слова, реконструировать или уточнить его старорусскую семантику. В работе использованы ма-

териалы ряда картотек: Словаря русского языка XI—XVII вв. (Москва, Ин-т русского языка АН СССР), Словаря русских народных говоров (Ленинградское отделение Ин-та языкознания АН СССР), Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей (Ленинград, ЛГУ), Словаря вологодских говоров (Вологда, пединститут), Словаря белозерских говоров (Череповец, пединститут). Привлекаются также исторические, этимологические и областные словари. К дополнительным источникам исследования относятся данные ономастики, которые дают возможность уточнить временную характеристику апеллятива. Использованы историко-этнографические замечания иностранцев о быте Московской Руси, хотя это не всегда точные и объективные свидетельства. Привлечены специальные работы по этнографии и истории материальной культуры и быта.

ОБЩЕРУССКОЕ И МЕСТНОЕ В СОСТАВЕ СТАРОРУССКОГО БЫТОВОГО СЛОВАРЯ

Историческая лексикология пока не располагает выверенными данными о составе общерусского словарного фонда XVI—XVII вв., поэтому публикации подобных сведений даже по отдельным тематическим группам имеют самостоятельную ценность. Обобщая данные других исследователей и собственные наблюдения, приходим к выводу, что среди названий одежды к средствам общерусского распространения относились почти все родовые наименования: *одежа — одежда, одеяние, риза, платье, порты* 'одежда', *портище* 'одежда', *портное, убор, наряд* 'комплекс одежды определенного назначения', *багръ — багоръ, багряница, вретище, рубище, власяница, яригъ, гуня; обувь, обувение, обутель, обуща*; *судно* (мн. *суды*), *сосуд, посуда*. В общерусском употреблении находились названия рабочей одежды *сермяга* и *балахон* (последнее — с конца XVII в.), названия меховой и кожаной одежды *кожух, кожан, шуба, шубка, тулуп* (последнее — со второй половины XVII в.); названия общей верхней одежды *охабень, опашень, однорядка, ферези, свита, куртка* (последнее — со второй половины XVII в.); названия мужской верхней одежды *кафтан, полукафтан, зипун, армяк* (последнее — к концу XVII в.), *чекмень, доломан, мятель, епанча, емурлук*; названия женской верхней одежды *сарафан, летник, телогрея*; названия нижней одежды *белье, рубашка, рубаха, сорочка, срачица, порты, портки, штаны;* названия нашейной одежды или деталей одежды *ожерелье* 'воротник', *ворот, воротник;* названия поясов *пояс, опояска, кушак; запон* 'передник'; названия рукавиц *варега, вязаница,*

голица, рукавица, рукавка, рукав 'муфта', названия головных уборов и их деталей *покров, покрывало, плат, убрус, увясло, главотяг — главотяж, фата, перевязка, кокошник* (к концу XVII в.), *подзатыльник, сорока, чепец, тафья, шапка, треух, колпак, шляпа;* названия обуви *лапоть, сапог, башмак, сандалия, онуча, ногавицы, чулок.* На всей русской территории были известны следующие названия столовой посуды и столовых приборов: *судки, блюдо, блюдце, тарель, ставец, солонка, солоница, лжица, ложка,* названия посуды для напитков *чаша, чашка, чара, чарка, кубок, кубец, склянница, ковш, корец, братина, кувшин, кунган, корчага, чван, оловяник, ендова, кубышка,* названия кухонной посуды *горшок, котел, сковорода, сковородка, квасник, куб, решето, уполовник* (со второй половины XVII в.), названия погребной бондарной посуды *бочка, бочонок* (с 70-х гг. XVII в.) *кадь, кадка, бадья, чан* (к концу XVII в.), *делва, галенок, ведро, водонос, шайка* (с середины XVII в.), *корыто, ночвы;* названия плетеных вместилищ *короб, коробья, коробка, кошница, лукошко, кузов, пошев,* названия вместилищ из кожи и ткани *мех, мешок, куль* и *кулек* (оба — со второй половины XVII в.), *сума*; названия кошельков и карманов *мошна, через, зепь;* названия деревянных и металлических вместилищ для домашних вещей *ящик, сундук, подголовок* (с последней четверти XVII в.), *ларец*; слово *влагалище* в родовом значении 'футляр'; названия мерных сосудов *мера, четвертина, четверть, осьмина, десятня*; названия гигиенической утвари *рукомойник, лохань, белильница*; названия вместилищ для посуды *постав* и *погребец.*

В большинстве случаев эти слова употребляются в деловой письменности и частной переписке, что свидетельствует о их преимущественно разговорном характере. Закрепление ряда из них в литературном языке только еще начиналось.

Полный перечень локализмов, выявленных с помощью методов лингвогеографии, приводится в следующих разделах пособия. Далее мы рассмотрим выразительные в отношении территориального распределения лексем группы названий нательной одежды.

Для наименования нательной одежды существовало родовое название *белье* (от * *bělъ* + *ьjь* — ЭССЯ 2, 86) и реже — *белое платье.* Впрочем, весь состав лексики нательной одежды они своим значением не покрывали, так как обозначали только белую нательную одежду. Слово *белье* отмечается в письменности с 1554 г. (ср. мнение П. Я. Черных о том, что *белье* 'нижняя одежда' употребляется со второй половины XVII в. — Черных 1956, 189). См. примеры употребления этого слова па-

раллельно с сочетанием *белое платье*: а что в сундуке и в куропке платья белья: робашек, полотен... и то все розделити (1554 г., дух. — АФЗХ 2, 251); да белова, государь, платья взяли: 10 рубашек мужских альненых и посконных да десятеры портки (Смол. у., 1605 г., чел. — Анпилогов, 435); ср. другие примеры, свидетельствующие об общерусском характере слова *белье:* СлРЯ XI—XVII вв. 1, 138—139. С первых употреблений в письменности слово *белье* имеет значение 'некрашеное полотно и изделия из него'. В связи с многозначностью этой лексемы параллельно функционирует более конкретное наименование *белое платье*, обозначающее одежду из некрашеного полотна. В дальнейшем *белье* в расширительном значении сохраняется в говорах и просторечии, а в литературном языке чаще обозначает одежду из некрашеной ткани или вообще нижнюю одежду и вытесняет выражение *белое платье.*

К названиям нательной одежды, общей для мужчин и женщин, относились *рубашка, рубаха* (от *рубъ* 'холст, кусок ткани' > *рубаха* > *рубашка*): *рубашка* — с 1521 г., *рубаха* — с 1568 г., *рубашенка* — с 1579 г., *рубаша* — с 1607 г., *рубашечка* — с 1632 г., *рубашенцо* — с 1642 г., *рубашкишка* — с 1644 г.

Рубашка — название мужской и женской одежды, общей для лиц всех сословий, это наиболее употребительное слово из однокоренных, распространено на всей русской территории: взяли грабежу мерин да пять гребенин да три рубашки (Юрьев, 1521 г., судн. дело — АФЗХ 1, 13); десять рубашок мужских и женских лняных и посконных (Медынь, 1538 г. — РИБ 2, 772); послов ограбили, оставили в одних рубашках и поясы сняли (1572 г., посольство И. М. Воронцова — Ст. сп. 59); см. также: ВКХ XVI в., 2, 240 (1579 г., кн. пр.-расх. И.-Вол. м.); Котков. Моск. речь, 341 (Москва, 1599 г., чел.); А. междуцар. 98 (Казань, 1622 г., допрос). Слово *рубашка* редко встречается в художественных текстах, отсутствует в исторических и религиозных сочинениях, зато в деловой письменности и фольклорных записях отмечается без ограничений, что свидетельствует о его разговорно-просторечном характере, см.: холщовая рубашка — не нагота, а невейная крома — не голод; свинопас и рубашку пропас (XVII в. — Отр. пословиц, 46, 52).

Слово *рубаха* появилось раньше, чем *рубашка*, но в письменности фиксируется позднее и употребляется в целом реже: на каждые 100 случаев употребления слова *рубашка* в деловых текстах приходится до 60 употреблений лексемы *рубаха*, так, в «Домострое» употребляется почти исключительно слово *рубашка.* Представляется не вполне достоверным мнение о преобладании варианта *рубаха* над *рубашка* в южнорусской

письменности (Котков 1970, 148), которое не подтверждается ни фактами, ни статистическими данными. Тем не менее лексема *рубаха* также носила общерусский характер и имела такие же семантические и стилистические качества: Шарапку на рубахи десять денегъ (Волог у., 1568 г., кн. пр.-расх. П.-Обнор. м.— РИБ 37, 3); дозирати, как *рубахи* моют (XVI в.— Дм. 33, ср. др. список: *рубашки*); рубаха мужская ветошная цена 2 гривны, рубаха черемисская цена полтина, рубаха ярославская строченая шолкомъ цена полтина, рубаха московская такая ж цена полтина, рубаха вязана шолком казанская цена 8 гривен, рубаха пестрядинная кизылбашская цена полтина (Енисейск, 1687 г. — Цен. роспись, 81,96). Можно наблюдать названные слова в одном и том же тексте как взаимозаменяющиеся: на Петре платья: рубашка и портки конопляные, а пояса на рубахе нет (Важ. у., 1612 г., судн. дело — АХУ 2, 211); А о рубашках я с Тимофеем писал. Три рубахи пришлите. Давно рубахи надобно: часто наг хожу (1670 г., письмо Аввакума — Ж. пр. Авв., 219). По-видимому, *рубашка* по сравнению с *рубаха* было более официальным названием, *рубашкой* называли и соответствующую одежду лучшего качества.

Дериват *рубаша* не имел широкого распространения, его появление — результат действия аналогии (от *рубашка* по аналогии с *рубаха*): рубаха, рубаша, сорочка (Псков, 1607 г., разговорник — Фенне, 90); дозирати, какъ красные рубаши моют (нач. XVII в. — Дм. К. 27).

Названные ранее деминутивы имели разговорный характер и отмечены только в деловой письменности, приведем по одному примеру на каждое слово: продалъ рубашенко да порченка, взялъ 10 денегъ (1567 г., кн. пр.-расх. К.-Бел. м.— Ник. 1,1, 15); три штаники полотняные да три рубашечки полотняные (Тарнога, 1632 г., явка — АХУ 3, 116); старое женское шубенко да ветошное рубашенцо да котишка на ногах (Якутск, 1642 г., судн. дело — Колон. Якут. 154); рубашкишки и оденки купить не на что (Москва, 1644 г., чел. — Дон. д. 2, 535).

Разновидности рубашек различались по материалу или по характеру употребления.

В севернорусских говорах XVI в. холщовые рубахи имели специальные названия: *холщевица* — 1559 г., *холщевня* — 1559 г., *холщевка* — 1563 г., *холщага* — 1575 г., *холщевенца* — 1578 г. Все они употреблялись в деловой письменности одного региона — нижнего и среднего Подвинья, бассейна реки Ваги: купил две шубы дал десят ал без денги две холщевицы дал девят денег; две овчины десят денег две холщевни дал три алтна (Двин. у., 1559 г., кн. пр.-расх. Корел. м., № 935,

л. 78— КДРС); четыре холщевицы да двои порчепка да утиралник... холщевку Андрею (Двин. у., 1563 г., кн. расх. Корел. м., № 937, лл. 48, 68 об. — КДРС); две рубахи холщаги за пят алтнъ (Двин. у., 1575 г., кн. пр. Корел. м., № 941, л. 18 об. — КДРС); купил товару 9 рубах холщевиц дал 20 алтн (Холмогоры, 1558 г., кн. пр.-расх. Ант-Сийск. м. № 1, л. 204— КДРС); купил холщевенцу дал 2 алтын (Холмогоры, 1578 г., кн. пр.-расх. Ант.-Сийск. м. № 1, л. 67 об.— КДРС). В письменности XVII в. такие слова пока не отмечены.

На севернорусской территории существовал также обычай одновременного ношения двух рубах: нательной исподки и поверх нее — верхницы.

Исподка (от *испод-*) имела значение 'женская рубашка, чаще нательная', это слово фиксируется с 1605 г., историческими словарями не отмечено. Употреблялось оно в Вологде, Великом Устюге, на Ваге: меня Агафьицу ограбил... снял с меня сукман белой да рубаху исподку, да с ворота крест сорвал (Важ. у., 1605 г., явка — АХУ 2, 553), взяли две рубашки испотки женские тонкие, а цена рубахамъ по десяти алтынъ (В. Устюг, после 1626 г., чел. — Сенигов, 174); двадцать рубашек мужских и женских исподок и верхниц, цена восмь рублев (Важ. у., 1633 г., явка — АХУ 3, 153); пропало у меня сироты з двора с сараю с шеста две рубашки мужьская да женская по утрянои зоре безвесно и нинешного РОА г июля въ ЕК день тое свою женскую испотку познала на неи Кунаве (Волог. у., 1662 г., чел. — ГА Волог. обл., ф. 1260, кор. 7, № 42); пропала у снохи моеи с шеста с повити рубашка исподка женская (Волог. у., 1667 г., чел. — там же, кор. 11, № 103). Исподка по отношению к севернорусскому глухому сарафану действительно была нательной, «исподней» одеждой. Отмечены случаи употребления слова *исподка* в значении 'мужская рабочая нательная рубашка': выдано хлЪбнику Петрушке Летчаку на исподку без рукавъ семь аршинъ холста (Вологда, 1683 г., кн. расх. арх. — ГА Волог. обл., ф. 512, № 127, л. 43 об. — 44). *Исподка* в значении 'нижняя рубашка, обычно женская' употребляется в национальный период в вологодских, вятских, ярославских, архангельских, костромских, уральских, сибирских говорах (Васнецов, 99; Даль 2, 55; КВОС; Опыт, 75; Сл. Ср. Урала 1, 205; СРНГ 12, 232; КЯОС). По-видимому, слово возникло в старорусский период в речи населения, занимавшего бассейн Сухоны и Ваги, а оттуда распространилось в соседние говоры, в Зауралье и Сибирь. Псковское и тверское *исподница* с тем же значением, что и *исподка* (Даль 2, 55), могло возникнуть позднее под влиянием слова *исподка*.

Верхница 'одежда, чаще рубашка, надеваемая поверх другой одежды' — также севернорусское слово, наблюдаемое со второй четверти XVII в. в важских, великоустюжских и сибирских источниках: тот вор Гриша украл рубаху лляную женскую верхницу да 2 плата головные (Важ. у., 1630 г., явка — АХУ 2, 698); ФеклЪ ОленевЪ 176 году марта в 22 день дано на верхницу да на сарафан холста 16 аршин с переменою (В. Устюг, 1668 г., кн. плат. Мих.-Арх. м. — Шляпин 2, 276); дано в службу коровнице одиннатцать локот холста толстово на верхницу (В. Устюг, 1682 г., кн. плат. Тр.-Гледен. м. — ВОКМ, № 9548 (3, 20 об.). Письменные источники XVII века не дают оснований для вывода о повсеместном употреблении наименования *верхница,* хотя такое мнение высказывалось в литературе (Шаповалова 1983, 19). Семантический объем слова с течением времени расширился, оно стало обозначать различные виды верхней одежды, но география его осталась прежней; это севернорусские и сибирские говоры (СРНГ 4, 161).

В двинской рядной за 1638 год отмечено слово *вороток* в значении 'женская сорочка, которую носили в паре с сарафаном': наделку я Акилина взяла... сукникъ овечей двенатцать алтынъ, вороток десять алтынъ (Ефименко, 28). Ср.: «Вороток — надеваемая со штофником кисейная сорочка» (Подв. 22). В исторических словарях это слово отсутствует.

Наряду с лексемой *рубашка* высокой употребительностью отличалось слово *сорочка*, известное многим славянским языкам. В русской письменности наблюдается с 1377 г. (по летописи — с XI в.). Вариант *срачица* с южнославянской огласовкой известен с 1076 г. (Востоков 2, 183), он употребляется в письменности церковно-религиозного содержания, летописях, художественных текстах книжно-архаичного характера. Употребляется слово *сорочка* (вместе с *срачица)* реже, чем *рубашка* (Грузберг 1974, 19). См. примеры с неполногласным вариантом: начяша складати срачицЪ и свиты царьския (Изб. 1076 г., 694); она же даде ему свою женскую срачицу, якоже сама ношаше на теле. Архиепископ де с радостию взяше и возде на себе збором женскую рубаху (Пов. о Карпе Сутулове, втор. пол. XVII в. — Рус. пов. XVII в., 151); см. также: Каз. лет. 70 (кон. XVI в.); Вел. Зерцало 409 (кон. XVII в.). Древнерусский период в истории этого слова достаточно изучен (Миронова 1978, 107). В старорусскую эпоху *срачица* выступало как книжно-возвышенный синоним к лексеме *рубаха*. Полногласное соответствие *сорочица* зафиксировано в письменности раньше, чем *сорочка* — с XII в.: видЪ на срачици его кръвь соущю... и съ яростью въставъши и растьрзавъши сорочицю на

немъ (Ж. Феод. Печер., XVII в. — ЧОИДР 1879 г., 1, 6). Оно было представлено в новгородских берестяных грамотах и в новгородских летописях, а в письменности XVI—XVII вв. уже не отмечается. *Сорочка* появляется в летописных рассказах под 1097 г. (по сп. XIV в.): сволокоша с него сорочку кроваву сущю и испи воды и вступи во нь дша и оупомянуся и пощюпа сорочкы и рече: чесу есте сняли с меня да бых в тои сорочкЪ кровавЪ смрть приялъ (Лавр. лет. по сп. 1377 г. — ПСРЛ 1, 261). Приведем несколько примеров из текстов XVI—XVII вв.: опашен лазорев зуфнои да двЪ сорочки с тафтою (Моск. у., 1522 г., роспись — АРГ, 199); двадцат сорочек мужских и женских (Ряз. у., ок. 1535 г., правая гр. — Пам. Ряз. 103); пояс шолков, 17 сорочек полотняных женских, сорочка кисейная, сорочка кумачная полосата, сорочка тафта червчата, 2 сорочки муских нарядных (Москва, 1611 г., роспись — Мат. Москвы 2, 34); выходил Иван Годиновичь в одних чюлках и без чеботов, в одной сорочке и без пояса (Иван Годинович, кон. XVII в.— Былины, 196). *Сорочки* упоминаются в текстах как спальная одежда, как нательная одежда, надеваемая после бани, *сорочками* называли и наиболее нарядные рубашки. Вместе с тем наблюдаются попытки семантически дифференцировать слова *сорочка* и *рубашка*: японча настрафилная лазоревая за рубль, сорочка шита золотом и серебром за 4 рубли, рубашка золотная за 20 алтын (Двин. у., 1625 г. — Кн. вкладн. Ант.-Сийск. м. 31); коробья зъ бельемъ, зъ рубашками и сорочками (Холмогоры, 1674 г., рядная — Ефименко, 31). Однако чаще *сорочка* и *рубаха — рубашка* называют один и тот же предмет, ср. роспись имущества 1693 г. и указ того же времени, содержащий перечень одних и тех же предметов: (роспись): четыре сорочки муских с порты да маленьких четыре ж сорочки, сорочка женская с подубрусником; (указ): 4 рубахи мужских с порты, да маленьких 4 ж сорочки, рубашка женская с подубрусником (Д. Шакл. 3, 1434). В старорусский период слово *сорочка* имело и другие значения, например, 'мера, кусок ткани определенной величины', но неизвестно, на каком основании Н. Костомаров приписывал словам *сорочка* и *рубашка* значение 'ожерелье, пристежной воротник' (Костомаров 1887, 88—89), ни в одном старорусском тексте подобное значение у этих слов не усматривается. Деминутивы от слова *сорочка* не получили распространения, приведем первые фиксации двух из них, представленных в старорусской письменности: ферезенка под крашениною лазоревою ветхи да сороченко (Вологда, 1648 г., чел. — ОВС 9, 3); на ней платья сарафанишко белой сарочечка шитая (Москва, 1660 г., досмотр — Д. холоп. 281).

Заканчивая сравнительный анализ слов *рубашка — рубаха* и *срачица — сорочка*, отметим, что, например, в староукраинском языке наблюдалось иное употребление названных лексем: наиболее частым названием нательного платья было *сорочка*, употреблялось также общее с польским языком слово *кошуля*, лишь в левобережной Украине функционировало слово *рубаха*, а *рубашка*, известное с 1666 года, являлось крайне редким словом (Ист. укр. мови 1983, 394).

В рассматриваемую группу входит и слово *чехол*, которое имело значение 'спальная или банная рубашка; халат в свадебном наряде знати', фиксируется лишь в московских актах: любим ово ризы устькляны, ово же одежа украшены, и ременна, и ножевы, и калигна, и чехлы, и снеди сладкые (Устав 1514 г.— Иос. Вол. Посл. 307); великая княгиня, развернув сорочку или чехол, или иное что платье великого князя, да из того рукомойника и смачивала то платье (Москва, 1525 г., суди. дело — АИ, 192); мытися имъ творяще, чехлы и оуброусъ оу мъвницЪ вЪшаютъ (Сл. св. Григория XVI в.— Гальковский, 34); изготовити ·В· чехла мужской и женской, рукомойникъ ... и сам бывъ за завЪсомъ и обдався водою положит на собя чехол да шубу наголную, да пойдет новобрачная потому ж на собя положит чехол да шубу наголную (XVII в. — Дм. Свад. 174, 184); чехол банной безинной бЪлой, переды шиты золотомъ (1690 г., росп. имущ. — РИБ 8, 1055); полог клЪтчатой полотняной, чехол руской мылной, розшиван шелком, подпушен тафтою красною (там же, 1153). В близком к отмеченному значению это слово известно в старочешском и старопольском языках (ЭССЯ 4, 36). В современном русском языке в значении 'исподнее белье, род сорочки' не наблюдается, но в говорах западной Брянщины есть слово *чехлик* 'женская рубаха' (Сл. зап. Брян. 285), что является вероятным свидетельством территориальной близости этих говоров к западнославянским языкам. Может быть, и старомосковское *чехол* 'род сорочки' следует оценивать как результат польского языкового влияния.

Пережитком древнерусского языкового состояния являются лексемы *котыга* 'верхняя одежда типа хитона, рубашка' (около 1117 г.— Срезн. 1, 1303; Востоков 1, 180) и *льняница* рубашка из льняной ткани' (XVI в.), они характерны для четьей литературы религиозного содержания. В изучаемое время изредка употребляются в списках XVI в. с более древних оригиналов и в некоторых поздних текстах: един прикры тЪло его котыгою своею, юже ношаше (сер. XVI в.— Вол.-Перм. лет. 105); въ единой котызЪ пребывающе въ поустынихъ (XVI в. Ж. Александра — ВМЧ февр. 239); он же рече: возри на мя,

знаеши ли сию лняницу (XVI в. — ВМЧ, апр. 1145); и сниде с коня и совлече срачицу свою и положив на лежащем мертвеце. Он же рече: воззри на мя и знаеши ли льняницу сию?.. Аз есмь, его же ты видел еси нага на пути лежаща мертва и возложи на мя сию льняницу (XVII в. — Лит. сб. Пролог, 237).

Таким образом, наблюдения показывают, что в старорусский период начинается выработка родового обозначения нательной одежды, закончившаяся утверждением наименования *белье*. Названия исподней наплечной одежды представляли собою компактную группу, внутри которой наблюдается дифференциация лексем по жанрово-стилевому принципу. В устной речи и в деловой письменности были распространены слова *рубашка* и *рубаха*, они имели значительное число деминутивов. Лексема *срачица* носила книжно-архаический характер, ее полногласное соответствие *сорочица* вышло из употребления под влиянием общеупотребительных слов *сорочка* и *рубаха*. *Котыга* и *льняница* заканчивают свою жизнь в книжно-религиозной литературе. Названия конкретных разновидностей рубашек именовались по материалу, способу ношения и носили локальный характер: слова от корня *холщ* — отмечены в двинских источниках XVI в., там же наблюдается и лексема *вороток*; в северо-восточной части севернорусской территории распространены наименования *исподка* и *верхница*. Для московской письменности было характерно специальное название спальной сорочки — *чехол*.

В старорусский период пополнилась группа названий мужской набедренной одежды, прикрывающей тело ниже пояса: *порты — портки*, *штаны*, *гачи — гащи*, *пукши*, *плюндры*, *шаровары*.

Слова с корнем *порт-* — наиболее древние среди перечисленных, интересующее нас значение здесь не сразу отдифференцировалось от родового значения 'одежда'. Появление лексемы *портки* по традиционной модели первичного деминутива было также вызвано стремлением оторваться от полисемантичного слова *порт* (мн. *портки*), слово *портки* обозначало главным образом набедренную одежду. Справедливо предполагают, что *порты* в значении 'штаны' существовало уже в XIII—XIV вв. (Миронова 1977, 51), во всяком случае в XVI—XVII вв. слово еще сохраняло такой смысл в письменных источниках самого различного содержания: двЪ сорочки с тафтою да двои порты да чеботы новы (Москва, 1552 г., дух.— АРГ, 199); да вземъ льноу учинитъ ми срачицу и порты и полотеньцо (XVI в., Пов. о Петре и Февронии — ПСРЛ 1, 31); десеть сорочек муских с

порты, пятнадцеть сорочек женских (Касимов, 1535 г., рядная — АЮБ 3, 296). Ср.: Порты — гащи (Поликарп. 496). Представляют особый интерес примеры, где значение слова *порты* уточняется определением *нижние*: четверы порты нижних да пятнадцат убрусов... пятнадцать рубашек женских да пятеры порты нижних да полтретятцат убрусов (Яросл. у., 1543 г., правая гр. — Лих. сб. 196, 197); три рубашки с шелком да четверы порты нижние (Москва, 1542 г., стат. список — Польск. д. 2, 183). Выражение «нижние порты» можно толковать двояко: 'одежда для нижней части тела, набедренная одежда' или 'исподнее белье, исподники'. Последнее толкование вполне вероятно, так как в следующем примере *порты* уже явно обозначает 'исподнее белье': платье на нем: кафтанишко сермяжное смуро худенько, а рубашенко да порты да штанишки сЪрые (Шуя, 1649 г., сказка — Стар. а. Шуи, 115). Все известные к настоящему времени старорусские факты употребления слова *порты* в значении 'мужская набедренная одежда' относятся к среднерусской территории и прилегающим районам (Москва, Ярославль, Шуя, Касимов и т. п.).

Специальное название *портки* для мужской одежды впервые фигурирует в «Речи тонкословия греческого» по списку XV века: на человЪцЪ порты: срачица порткы гачник (Ковтун 1963, 346). Слово *портки* было общерусским по территории употребления, свободно использовалось во всех видах письменности, но наиболее часто встречается в деловой письменности, в художественной и описательной литературе демократического содержания: купил три рубашки пятеры портки двадцатеры калигы (Двин. у., 1563 г., кн. расх. Корел. м. № 937, л. 66 — КДРС); купили двЪ рубашки красные шиты шелки да портки лняные (Дорогобуж, 1585 г., кн. пр.-расх. Болд. м.— РИБ 37, 40); князи и бояря тогда въздЪваютъ на собя порткы да сорочицу (XVI в. — Аф. Ник. 333); казаки же пять тысящ человек со оружьем, наги, в портках, а в руках копия и мечи (Пов. об азов. взятии, 1642 г.— ВПДР, 103). Ряд примеров дает основание думать, что слово *портки* со второй половины XVII века приобретает значение 'исподники' в противовес слову *штаны* как названию верхней набедренной одежды, надеваемой на портки, ср.: дано ему ж балахон портки рубаха онучи да штаны (Волог. у., 1664 г., кн. плат. С.-Пр. м.— ГА Волог. обл., ф. 512, оп. 1, № 45, л. 208); мужики и женки приходятъ мытися в торговую лазню, тогда верхнее платье скинувъ съ себя, такожде и рубаху, и гашникъ, и штаны, и портки, черное и скверное (1666 г. — Суб. Мат. 4, 222); жалованья костромитину рейтару Прокофью СвирЪпову... двои портки трит-

цать алтын, штаны (Москва, 1675 г., кн. пр.-расх.— ДТП 3, 307); на том же мертвом тЪлЪ рубашенка да порчишка да штанишка сЪрые (Шуя, 1696 г., судн. дело — Влад. губ. вед., 1857, № 52).

В деловой письменности XVI—XVII вв. отражены деминутивы *портченка*, *портчишка* и *порточки*, приведем первые фиксации этих слов: продалъ рубашенко да порченка, взял 10 денегъ (1567 г., кн. пр. К.-Бел. м. — Ник. 1, 2, 170); продано Ильи Епишева ковтанишка да рубашко да порчишка, взято 5 алтын (1581 г., кн. пр.-расх. И.-Вол.м.— ВХК XVI в., 2, 190); подарю тебя, милой друхъ, сорочъкою миткалиною, сорочъками, кисейными пордочками (XVII в. — Песни Квашн. 927). Таким образом, в течение старорусского периода слово *порты*, развив новую форму *портки*, быстро обогатившуюся производными, успешно эволюционировало в семантическом отношении, а лексема *портки* закрепилась как специализированное название мужской исподней набедренной одежды.

Гачи — гащи 'штаны' — это общеславянское слово, возникшее в праславянскую эпоху от * *gatji* (ЭССЯ 6, 106—108). В языке изучаемого периода является малоупотребительным книжно-архаическим элементом, особенно редок вариант *гачи*. В письменности наблюдается с XI в. (Срезн. 1, 511). См. типичные примеры: мужа оставити в гащах облъчены, жены ж въ препоясаних оставити (XVI в. — ВМЧ апр., 829); иже къ тЪлеси прильни суть срачица и гащи, иже дольнЪйшая объемля части тЪла до плесну (XVII в. — Врем. И. Тим. 323); удача распустя гачи (XVII в. — Сим. Посл. 206). Ср. показания словарей: гащи — штаны (XVII в., Алф.[1], 54 об. — КДРС); гащи — штаны или другое нижнее одеяние (Алексеев. Церк. сл. 63). В литературном языке слово архаизировалось, поскольку ему не осталось места в номенклатуре соответствующих названий. Однако в говорах *гащи* в значении 'портки, штаны; нижняя часть штанов, подвязка' еще употребляется (Даль, 1, 346; Опыт, 36; СРНГ 6, 154).

К иноязычным заимствованиям в этой группе относится слово *пукши* 'штаны особого покроя', заимствованное из финского языка (ср.: фин. *pöksyt* 'штаны' из швед. *bykor, bökor*; эстон. *püks* 'штаны' из нижненемецк. *Büxen* — Алексеев 1968, 100) благодаря контактам с иноземными купцами и населением пограничных территорий. Первоначально отмечается в севернорусских актах (архангельских, тихвинских, вологодских), а с XVII века — в московских, но очень редко. Значение слова точно раскрыто в царском указе 1636 года, где *пукши* заменяется словом *штаны*: здЪлано нЪмецкаго платья три жюпана

да трои пукши сукно лундышъ черлено... на кафтаны и на штаны пошло кружива серебряного кованого немецкого 67 золотникъ, и всего кафтаномъ и штаномъ цЪна 30 рублевъ полсемы деньги (Москва, указ 1636 г. — ЧОИДР 1892, кн. 3, Смесь, 4). См. другие примеры: Саватей купил сукно простое дал три алтына да сшил пукши (Двин. у., 1563 г., кн. расх. Корел. м. — КДРС); Ивану Семенову сыну Лодыгину здЪлано немецкаго платья плащь да кабат да пукши в сукне аглинском желтом, к пукшам же пришито четыре завяски (Москва, 1632 г., кн. расх. — Заб. Дом. быт 2, 564); явил Титко Коновалов В юпки черные, пукши черные же однорядочные (Тихвин, 1656 г., кн. там. № 194, л. 12—КДРС); пукши камкасЪйные лазоревые (Вологда, 1669 г., роспись — ОВС 11, 175). Слово *пукши* не закрепилось в русском языке.

С 1597 года в письменности фиксируется слово *штаны* (ранее называли XVII в. — Козырев 1970, 78; Шаповалова 1983, 18), отмечаются и его производные: *штанишка* — с 1598 г., *штаники* — с 1632 г. Ср. в старобелорусском *штаны* — с 1555 г., (Марченко 1965, 11), в украинском — с 1733 г. (Ист. укр. мови 1983, 394). Слово штаны употреблялось без ограничений, оно обозначало всесословную одежду, но первоначально отмечается лишь в описаниях одежды иностранцев и лиц, связанных с царским двором: на шахе зипунец киндячен впущен в штаны в золотные (1597 г., стат. сп. — Перс. д. 1, 440); Анди бекъ же оставилъ штанишко мухоярные худенки, войлокъ да япончишко (1598 г., стат. сп. — Пос. Жир. — Засекина, 15). Эти первые фиксации подтверждают тюркскую (Фасмер 3, 377; 4, 429) и иранскую этимологию слова (Трубачев 1967, 40). Выявленные факты опровергают также мнение о том, что слово *штаны* в XVII в. встречается редко и обозначает лишь предмет одежды высших кругов общества (Вахрос 1959, 88). В северных таможенных книгах XVII века очень часто упоминается это слово с определениями *холщовые*, *сермяжные*, *конопляные*, *пестрядинные*, т. е. с указанием на ткань, из которой шилась одежда простолюдинов. Быстрому закреплению слова способствовала его однозначность, семантическая определенность, см. еще примеры: покупал холстины на ошивку робятам ко штаномъ (Вологда, 1622 г., кн. пр.-расх. арх.— ГА Волог. обл. ф. 883, № 12, л. 162); трои штаники полотняные (В. Устюг, 1632 г., явка — АХУ 3, 116); штаны камчатные камка индейская шелк черлен зелен на опушку пять вершков камки двоеличной шелк ал желт на поткладку шесть аршин зендени багровой на зепи пять вершков крашенины лазоревой на настилку четь фунта бумаги на завойки два золотника снурка шелк черлен пояс шелковой

и всего штаном цена два рубли тритцать алтын (Москва, 1641 г., кн. расх.— Заб. Дом. быт 2, 762). Дальнейшая история слова хорошо известна.

Единичными употреблениями представлены лексемы *плюндры* и *шаровары*, обозначавшие реалии иноземного быта.

Плюндры (из нем. *Pluderhose* 'шаровары'— Махек, 378) известно по одной фразе из записок Арсения Суханова: носятъ платье греки мало не все франкское черное: и капелющъ и плюндры и плащь и сапоги (1653 г.— Арс. Сух. Проскинитарий, 21). Ср. старобелорус. *плюдры* 'брюки' (Марченко 1964, 101), укр. *плюдры*, *плюндры* 'желтые ирховые брюки у галицких мещан' (Гринченко 2, 202; 3, 198).

Один раз встретилось и слово *шаровары*, причем в тексте, переведенном с польского языка и посвященном описанию Турции: на тех невольниках шапки красные и рубашки тож подобием маринаров, а шаровары имеют белые (Москва, 1678 г.— Двор цесаря тур. 47). *Шаровары* заимствовано из тюркских языков, может быть, из иранского через турецкое посредство (Радлов 3, 1891; 4, 967; Локоч 1972, 1489). Предположение о том, что слово *шаровары* появляется уже в XVI в. (Черных 1956, 72), не подтверждается фактами. Правда, в польском, который выступал посредником в усвоении этого слова, оно существует уже в XVI веке, тогда же слово было усвоено белорусским языком (Булыка 1972, 359). В XVIII веке слово фиксируется словарями русского языка (САР 6, 1339), что говорит о его закреплении в речи.

Таким образом, старорусская письменность XVI—XVII вв. отразила некоторые изменения состава названий мужской набедренной одежды. В связи с разделением этой части одежды на исподнюю и верхнюю произошла дифференциация значений основных слов этой группы: *портки* и *штаны*. Древнерусское *гащи* перешло в разряд архаизмов. Группа несколько пополнилась за счет заимствований, которые преимущественно обозначали реалии быта других народов. Территориальное распределение анализируемых слов проявляется слабо.

ГЕОГРАФИЯ И ЧАСТОТА УПОТРЕБЛЕНИЯ НАЗВАНИЙ ОДЕЖДЫ И УТВАРИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVI—XVII вв.

Данные о географии и частоте употребления старорусских диалектных слов приведены в помещаемых далее таблицах. Принятые в таблицах условные обозначения имеют следующий смысл: (·) — единичное употребление, (+) — до 10 употреблений в источниках данной территории, (×) — более 10 фиксаций

в памятниках определенного пункта. К употреблению слова приравнивается фиксация в текстах всех его фонетико-графических вариантов, которые не имеют территориальной специфики по сравнению с другими вариантами, а также деминутивов, сохраняющих основное значение производящего слова.

Подробные описания отдельных лексико-семантических групп с подтверждающими цитатами из старорусских памятников см. в опубликованных нами работах: Памятники письменности в Вологодском областном архиве // Источники по истории русского языка.— М.: Наука, 1976.— С. 206—220; Лексика одежды в севернорусских говорах XVII в. // Лексика севернорусских говоров.— Вологда, 1976.— С. 52—60; К вопросу о роли севернорусских говоров XVII в. в складывании общерусского лексического фонда // Вопросы формирования русского национального языка.— Вологда, 1979.— С. 66—75; Названия «питейной» посуды старой Руси.— Русская речь, 1983.— № 1.— С. 90—97; Лексикология старорусского языка (предметно-бытовая лексика).— М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1983, 101 с.; «Всякое посудье».— Русская речь, 1983, № 5, с. 85—89; Названия предметов домашней утвари в русском языке XVI—XVII вв. // Эволюция лексической системы севернорусских говоров.— Вологда, 1984.— С. 50—73; «Урядные молодцы в золотых юпках»— Русская речь, 1984.— № 6. С. 75—78; Лексические диалектизмы в севернорусских актах XVI—XVII вв. (названия рукавиц) // Севернорусские говоры.— Вып. 4.— Л.: ЛГУ, 1984.— С. 75—84; Названия меховой одежды в старорусском языке // Русское народное слово в историческом аспекте.— Красноярск, 1984.— С. 104—113; Как называлась Сенькина шапка // Русская речь, 1985.— № 5.— С. 110—116; Среднерусские слова на общерусском фоне (по памятникам письменности XVI—XVII веков) // Среднерусские говоры.— Калинин, 1985.— С. 86—101; Душегрейка, безрукавка и куртка // Русский язык в школе, 1985.— № 5.— С. 95—96; «Каков женишок, таков его и сапожок» // Русская речь, 1986.— № 5.— С. 108—114; Формирование одной лексической группы в русском бытовом словаре XVII в. (названия передников) // Развитие семантической системы русского языка.— Калининград, 1986.— С. 38—46; Семантические отношения и вариантность в лексике русского языка XVI—XVII веков (названия верхней одежды) // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Лексика и грамматика в сопоставительном аспекте.— Воронеж, 1986.— С. 108—116; Сведения по истории слов в курсах исторической грамматики и истории русского литературного языка // Межпредметные связи в преподавании лингвистических

дисциплин.— Москва, 1986.— С. 3—22; Особенности функционирования старорусского слова в составе лексико-семантической группы (названия поясов) // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка.— Свердловск, 1986.— С. 48—54; Взаимоотношения книжных и разговорных элементов в старорусском словаре (общие названия посуды) // Литературный язык и народная речь.— Пермь, 1986.— С. 124—133; Семантика и география названий сарафанов и понев в русской письменности XVI—XVII вв. // История русского языка и лингвистическое источниковедение.— Москва, 1987.— С. 211—219; Из истории бытового словаря. Названия мешков и сумок в русском языке преднационального периода // Диалектное и просторечное слово в диахронии и синхронии.— Вологда, 1987.— С. 27—43; Архаичное и новое в одном старорусском гнезде однокоренных слов (названия вместилищ с корнем *короб* — (*краб-*) // Функционирование архаических и новых элементов в системе русского языка.— Москва, 1987.— С. 5—12; Семантические изменения как фактор развития лексики (старорусские названия вместилищ для посуды) // Семантика слов в диахронии.— Калининград, 1987.— С. 72—77.

Объем пособия не позволяет привести полный перечень всех источников, как рукописных, хранящихся в архивах, так и опубликованных, которые были привлечены для исследования. Представление о корпусе источников дают наши публикации по теме, перечисленные выше. Вместе с тем обратим внимание исследователей на большое число «белых пятен», т. е. пустых клеток в таблицах. Уменьшить количество этих «белых пятен», а также обобщить сведения по географии слов, относящихся к другим тематическим сферам,— задача, требующая коллективной работы, в которой могут участвовать и начинающие филологи — студенты вузов.

Названия одежды

	В. Новгород	Тихвин	Белозерск	Вологда, Тотьма	Галич	Двин. у., Вага	В. Устюг	Тверь	Москва	Муром. Суздаль	Н. Новгород	Смоленск	Дорогобуж	Курск	Дедилов	Рязань	Воронеж	Зап. Сибирь	Вост. Сибирь
платно «отд. предмет»	+	+							×		·								
платяное	·					+													
лопоть				+		·												+	·
лотанишко	+																		·
приволока	+			·					×						·				
суконник				+		+	+										·		
сукник		·			·	+													
нагрудник		+		+					×					·	+	·	·		+
шабур							×												
костолан	+	·						+			·		+					·	+
балахон	+	×	+	×	+	×	+		+	×						·			·
свитка раб.	·	·	+	·		+													
емурлук				+					×			·	·	+			+		
бурка						·			+								·		
мятель	+			+		·		·	×	+	·								

| | | |

Названия верхней одежды

	В. Новгород	Тихвин	Белозерск	Архангельск	Вологда, Тотьма	Вага	В. Устюг	Ярославль	Торжок	Москва	Тверь, Ростов	Шуя	Владимир, Суздаль	Н. Новгород	Смоленск	Дорогобуж	Брянск	Ст. Оскол	Курск, Орел, Севск	Дедилов	Елец	Рязань	Воронеж	Астрахань	Зап. Сибирь	Вост. Сибирь
пукши		·		+	+	·				+																
холщевица				+		+																				
исподка					+	+	+																			
верхница						+	+																		+	
кошуля «рубашка»				+	+					+					·	+										
кошуля «шуба»	·	·			·			·															+	·	·	·
одевальница		+		×			·			×																
одеяло				+	·		·			·																+
солдатка		·		·				·																		
шубняк			·		+	·																				
шубник			·		+	·								×			·							·		
сбитень			·	+	·			+		+					+											
бо(а)рмиха										+	·															
кортель							·			×	+		·													
тулуп				+			·			+		·		+									·	+	×	+

| | | |

Названия поясов и передников

	В. Новгород, Валдай	Тихвин, Олонец	Белозерск	Холмогоры, Онега	В. Устюг	Тарнога, Тотьма	Углич	Шуя	Волоколамск	Москва	Н. Новгород	Казань	Астрахань	Смоленск	Дорогобуж	Тула, Калуга	Рязань	Курск, Орел, Белгород	Воронеж	Сибирь
запояска																			•	
опояска		+	·	+	·	·	·	·	·	×	+		+		+	+	·	·	+	
подпояска															+	+		×	+	
полукушачье					·							+								·
кромка						•														
покромь		+	·			+				·							•		+	
татаур	·									+					·					
ремень					+	+														
нагрудник										+										
фартук										+				+	+				+	
занавеска										·										
передник										·										
хамгла			+																	
завеска				+																
запаска																			•	
передовик			+																	

Названия головных уборов

	венец	волосник	каптур	кичка	кокошник	косник	магирка	мурманка	наметка	ошивка	перевязка	повязка	подубрусник	сетка	убрус	шлык
Псков, В. Луки	+	+	·		·										·	
В. Новгород					·							+				
Тихвин, Свирь							·				+	·			+	·
Белозерск		·			·				+			·				+
Бежецк														·		+
Вологда, Тотьма	+	+	+		+					+	+	+				
В. Устюг, Вага	+	+			+						+	+			+	
Двинск. у.					·						·				·	
Сольвычегодск			·		·			·								
Ярославль, Кострома	·	·			+						·				·	
Торжок						·					·				·	
Кашин					+						+		+	·		
Шуя, Ростов		+	·	+	×						·					
Владимир, Суздаль		·		·	×						+		·	·		
Муром, Арзамас	·				×						·		·		·	
Москва		×	×		×	×	·	·	·	×	+	·	×	+	×	+
Смоленск	+	+		·		+	×		+		+		+			
Дорогобуж									+							
Путивль									·							+
Курск									·							
Коломна, Тула					·		+			+						
Рязань, Воронеж		·		+	+	·			+	·	·		+		·	+
Казань					+										+	
Астрахань					·						·				·	
Зап. Сибирь	·	+			×				+	+			+		+	
Вост. Сибирь	+	+			×				+	·			×		×	

Названия рукавиц

	В. Новгород	Псков	Тихвин	Белозерск	Ярославль	Кострома	Вологда	В. Устюг	Онега	Подвинье	Сольвычегодск	Тотьма	Москва	Волоколамск	Суздаль, Владимир	Н. Новгород	Тула, Калуга	Смоленск	Белев	Курск	Рязань	Воронеж	Зап. Сибирь	Вост. Сибирь
варги																						•		
варенги										+														
варе(и, я)ги			+	×	·	+	×	×		+	×	×	+	·	+	+		×		·	+	+	×	×
вачеги				·			·			×		+												
ве(я)за(е, я)ници	·	+		+	+		×	×		×		·	+					×				•		
везе(о)нки																	·	+						
верхи				·			·			×		·												
верхницы		·		+	·		×	×		×	·	+		·					·				+	+
верхонки			·						·	×		+												+
голицы		+		·	·	×	+	×	+	×		×	×		×		·	×		·	+	×	·	×
дельницы									+	+														
деяницы, дьяницы		×	+	×						+														
де(и)яльницы		+								+														
дубленницы							·		·	+		·												
дубленки							·																	

исподки	+		·	×		×	×		×	×	×	·					+				·	×
исподницы							·															
надолонки	·					·	+		+													
персницы										·												
перстянки	+	+																			·	
перстятицы		+																				
перчатки																·						
рукав		·			·	+			·		·	×		+	·	·			·			·
рукавки	·									·		×										
рукавка «муфта»												×										
рукавицы	×	+	+	+		+	×	×	·	×	×	×	×		+	×	×	+		·		+	×	×
шубницы						·	+				+											

Названия обуви

		В. Новгород, Псков	Тихвин	Обонежье	Белозерск, Устюжна	Двин. у., Вага	В. Устюг	Сольвычегодск	Вологда, Тотьма	Кострома, Ярославль	Торжок	Ростов, Суздаль	Москва, Можайск	Смоленск	Дорогобуж, Вязьма	Рязань	Курск	Тура, Тобольск	Енисейск, Томск	Якутск, Нерчинск, Мангазея
берестеники	1655 г.								2											
волосяники	1687 г.		4						1	3										
головы	1553 г.				1	2			2	2		1	2							
долгари	1651 г.					10														
каиги	1580 г.		5	2		10	1		1				1							
коты	1624 г.		4	2	3	10	10	4	9				1					10	10	10
малье	1633 г.		1		1		10	9	5											
моршни	1584 г.					10	10		1											
обутка	1577 г.								5				1						1	
обуток	1600 г.						1		1											
обуя	1597 г.						2		6									1		
панчохи	1647 г.													3			10			
пимы	1604 г.					5		1										1	5	7
полуголенки	1522 г.					4			3				1							
поршни	20 г. XVI в.	1	2	1	4	10	1	2	10				1	1	1			1	4	2

прикопытки	1669 г.						10											
притачки	1583 г.			1	10	5		2	4			5	2					1
пришвы	1559 г.	2	3	1	10	10	10	1	4	2				1				
пришитки	1592 г.	1	6		2	3					2							
стречни	1632 г.			2		2			1									
ступни	1563 г.	5	5	5	2	10	10		10			10	1			3	2	1
торбосы	1654 г.																	7
уле(я)ди	1559 г.			3		10	10	5								2	1	5
уледни	1597 г.				2				4									
унты	1624 г.		1			1												1
упаки	1658 г.		5		2	10	1			1								
чарки	1642 г.					1	10	10	1			2					3	10
яры	1559 г.			1		2												

Распределение старорусских регионализмов — названий одежды и обуви по диалектным зонам

	север		среднерус.		юг		Сибирь	
	запад	вост.	запад	вост.	запад	вост.	запад	вост.
мятель	+	+	×	+				
холодник			+	+				
шушун	·	×					+	·
свитка жен.		×					+	+
катанка			+		+			
шабур		×					·	·
жупан	+		+		+	+		
дылея			+		+			
кошуля «рубашка»		+	+		+			
солдатка		·						
приволока	·		×		+			
свитка рабочая	+	+						
суконник		+				·		
сукник	·	+						
юпа муж.	·	+	+					
бешмет		·	·	·				
пукши	·	+	+					
верхница		×					+	
одевальница	+	×						
шубняк	·	+						
бормиха			+					
кортель			×					
сукман жен.	+	+				+		·
костычь		+		+				
шушпан	+							
верхник	+	+						
кумачник	·	+						
саян	·		+		+			
синевка						+		
понева «юбка»			·		+	+		
понева «тип кафтана»	+							
лопоть		+					+	
платяное	·	+						
головы	·	+						
канги	+	×	·					
коты	+	×					×	×
малье	·	×						
моршни		×						
обуток		·						

	север		среднерус.		юг		Сибирь	
	запад	вост.	запад	вост.	запад	вост.	запад	вост.
обуя		+					·	
панчохи					×			
пимы		+					+	+
полуголенки		+	·					
поршни	+	×	·				+	+
притачки	×	+	+		+			·
пришитки	+	+		+				
стречни		+						
уледи	+	×					·	+
уледни	+	+						
унты	·	·						
упаки	+	×	·					
чарки		×	+					×
яры	+							
каптур жен.	·	+	×	·				
кичка				+	·	+		
косник			×		+	·		
магирка	·		·		×	+		+
мурманка	·		·					
повязка	·		·					
сетка	·		+					
шлык	+		+		+	+		
подпояска					+	+		
полукушачье		·					·	
кромка		·						
татаур	·		+				·	
ремень 'пояс'		·						
фартук			·		·			
вачеги	·	×						
везенки					·	·		
верхи	·	×						
верхонки	·	×						
дельницы	+	+						
деяницы	×							
деяльницы	+							
дублеиицы	·	+						
надолонки	·	+						
перстянки	+						·	
рукавки	·	·	×	·				
шубницы	+							

Родовые названия сосудов и названия столовой посуды

	В. Новгород, Псков	Тихвин, Свирь	Белозерск	Вологда	Двин. у., Вага	В. Устюг, Хлынов	Тотьма	Кострома, Галич	Ярославль	Тверь, Кашин	Москва	Суздаль, Муром	Н. Новгород	Дорогобуж, Вязьма	Коломна, Дедилов	Рязань	Тамбов, Воронеж	Казань, Саранск	Зап. Сибирь	Вост. Сибирь
щепа, (с)щепье	×	×	·	×	+	×	×	×	+	·	+	·	×	+						
плаха, плашье		·	+	+																
маслянка		+	+			·	+						·							
ваплянка		·	+																	
тарель	·	+		×	+	×	·			·	×	·	+		+	+	·	·	+	
тарелка	×	+	+	+	×	·	·			+	×	·	+		·	×	·	·	+	+
лимонник				·							+	+								
росольник	+	·	+	×	+				+	·	×	×	·			·	·	+	·	·
хлебница				+	+															
солоница	·	+	+	×	×	×	+	+	+	·	×	×	+			·		+	·	·
солонка	×	×	+	×	+	×		+		·	×	+				+			+	·
перешница	+	·	+	×	·	+	+	·			×	+							+	+
перешничек				·			·													
уксусница	·		·	·							×									
уксусник				+							×									

Названия посуды для напитков

	канна	достокан	полустопье	питушка	конюх	скобкарь	кушин	воронок	оловеник	яндова	фляга	калитка	косяк	брусок	кнея
Псков		•							•	+	•				
В. Новгород, Валдай									+	+	×				
Тихвин, Свирь, Олонец	+		×	•						+	+	•		+	
Белозерье		+				+			+	×	+				
Двинской у., В. Устюг	+				•	+		•	+	×	+		•		+
Вологда, Тотьма	+	•				+		×	×	×	+		•		
Кострома, Ярославль						•			+	+	•				
Волоколамск									×	+	•				
Москва	•	×			•		+	×	×	×	×	+	+	+	•
Тверь, Калязин, Клин, Кашин		•			+	•			+	•					
Владимир, Суздаль		•			•				+	•					
Н. Новгород		•								+	•				
Коломна				•					•	+	•				
Рязань		+					+		+						
Смоленск		•													
Воронеж,							+		•						
Белев, Курск				•						+					
Ср. Поволжье								+	+	+	+				
Нижн. Поволжье											•				
Зап. Сибирь		+					+		•	+	+				
Вост. Сибирь		+	•						+	+			+		

Названия кухонной посуды

	В. Новгород, Псков	Тихвин, Свирь	Белозерск	Вологда, Тотьма	Двин. у., Вага	В. Устюг, Хлынов	Кострома, Галич	Ярославль	Тверь, Кашин	Москва	Суздаль, Владимир	Н. Новгород, Арзамас	Дорогобуж, Вязьма	Кашира, Дедилов	Орел	Ст. Оскол, Валуйки	Елец	Рязань	Тамбов, Воронеж	Казань, Симбирск	Астрахань	Зап. Сибирь	Вост. Сибирь
медяник, медник				×	×	×				+		·								·		×	+
латка	+	+	·	+	+	+				·												·	·
плошка (кухон.)				+																			
плошка (пит.)					·				+	×	×		+	·		·				×			
веко	×		+	×	·	·	·	·	+	×	·		·					+		·		+	+
решетка	·		+			·		·		·		·											
заторник			+							·													
спускник				·				+	×														
сусленик					·																		
цейник			+	+			·	+	+	·		·											
чоп			·	·	·						·					·	+		+				
седун						×																	
казан												·			+					·			
подстав(а)					·	·				+	·	·				·	·	·		+			
подставка			+		·	+				+		·				·							
грохот	·		+	+	·	·				·	+										+		
сельница					·	·																	
сеяльница		·		+		+															+		

| | | |

Названия погребной посуды

	лежанка	лежка, лежатка	стойка	кадца	кадушка	кадулька	дуплянка	извара	мерник	лазбень	ушат	напол	дошник, дощан	лагун	лаговка	лагушка	лагвица	мазница	куфа	галин(а)	насадка	носок
Псков											·		+									
В. Новгород, Валдай	·		·	+				·			+		+	·		+		·			+	
Тихвин, Свирь	·	+	·	+	+		+				+			+								
Белозерск				+	+		·	×	·		·			+							×	·
Вологда, Тотьма				×		+		×			×			×		·				+	+	·
Кострома, Ярославль									+		·											·
Двинской у.				×	+		·				×			+	·	+				+		
В. Устюг				+		·	·	·			×			+	+	+	+			·		
Сольвычегодск, Хлынов									×		·			+		·						
Тверь, Кашин	·			·					×												·	
Москва, Можайск			+		×			×	×		×	+		+		·			·	·	×	
Владимир, Суздаль					+						+			+					·			
Н. Новгород									+		+					·						
Смоленск					+					+											·	
Дорогобуж, Вязьма					+		·					·		+								

Севск									·		
Орел, Курск		·		×		+		+		×	
Коломна, Дедилов		·		+					+	+	
Ст. Оскол, Валуйки				+		·				·	
Елец						·			·	+	
Рязань		+	×	+		+			+	+	·
Воронеж		·		×						×	
Поволжье		·		+			×		·		
Сибирь			+				+				+

Названия плетеных вместилищ

	Псков	В. Новгород	Тихвин	Белозерск	Вологда, Тотьма	Двин. у.	В. Устюг	Ярославль	Москва	Владимир	Рязань	Воронеж	Дорогобуж	Смоленск	Сибирь
коробчик							+								
коробья «метал.»									·	+					
коробья «мерн.»		·	·			·									
коробейка			×	+		×	+	·	+			+			·
кошель для утвари	·	+	×		+	·	+		×	·	+				
кошель для одежды			+		·										
кошель для сена	·		·		+		·	·							
кошель для воды		·	·		×				×	+					
лукно				+	·	+									
крошня(и)	+		+	+	+	·	×	·	×				·		
зобня «кон. торба»				·		·									·
зобня «корзина»					+			·		·					·
нестерь				+	×	×	×								
пещерь									+	+			·		
бехтерь						+									
кузов		·		+	×		×				+	+			
берестень		·		·	+	·	·						×	+	
лубъ		+	+				·							·	
пошев				·					+						
бурак «короб»	·	+	+	+		×									
бурак «сосуд»					×		×	×	+		·				
туес		·		+		×	+		×	·					×
корзина		+	×	+					·						

Названия футляров и вместилищ из кожи и ткани

	игольница	игольник	игольня	рогоза	рогозина	рогожа	лапотница	циновка	воспище	матица	мещерка	шалгун	веретище, веретье	чемодан
Псков	·													
В. Новгород, Валдай						+						·	·	+
Тихвин, Свирь	+	·				+						·	·	
Белозерск					+	+						·	×	·
Вологда, Тотьма				·	+	×				×	·		×	+
Двинской у.						×				+			+	·
В. Устюг				×		×								
Хлынов, Сольвычегодск				×		×								
Ярославль					·									
Волоколамск				+		×							+	
Москва					+	×	+	×	·				+	×
Владимир, Ростов					·	+							+	·
Н. Новгород, Алатырь														·
Рязань						×	×	+	+					·
Орел, Белгород														·
Воронеж											+		·	
Дорогобуж, Вязьма						·								
Смоленск	×	+	+			×								·
Астрахань														+
Сибирь		+		·										·

Названия вместилищ для денег и мелких ценностей

		бумажник	бумажница	зепь	калита	карман	козушка	козица	мошна	мошня	хамьян	через
Северное наречие	Псков			1	1				2	1		1
	В. Новгород, Валдай	2		4				2		1		2
	Тихвин			2			1	3	10			5
	Олонец, Свирь, Кола					2			5	6		9
	Белозерск	1							10	8		5
	Вологда, Тотьма	1							6	5		5
	В. Устюг, Усолье, Яренск	3	5	1					10	5	10	5
	Вага								10	2	10	10
	Онега, Двин. у.		5	2	2			8	4	5	2	10
	Кострома											1
Средне-русские говоры	Юрьев-Польский								2	1		
	Москва			10	4		1		10	1		4
	Н. Новгород								10			
Южнорусское наречие	Коломна, Дедилов, Чернь			7		2						1
	Елец			2								4
	Дорогобуж, Вязьма								2			
	Смоленск			3					10	1		6
	Курск, Обоянь								3			4
	Рязань,	1		1		1		1	1			1
	Воронеж									1		
Поволжье	Казань								1			
	Астрахань			1		2		2	10			
Сибирь	Кунгур, Верхотурье, Томск					5			10	10		10
	Енисейск, Якутск								10	3		10

Названия деревянной и металлической утвари для дома, мерных сосудов

	кварта	четверик	четверток	гарнец	насыпка	скрыня	ларь	подголовок	приголовок	призголовок	кореноватик	коренник «короб»	коренник «посуда»	шкатулка, шкатула	колодка
Псков							+	·						+	
В. Новгород, Валдай	+					·	·							+	
Тихвин, Свирь							·							·	·
Белозерск									·		·	+		·	
Вологда, Тотьма		+				· ·	+	+	·	+	·	+		+	+
Двин. у.						·	+	×	+			+	+	×	×
В. Устюг					·		+	×	·	×				×	×
Хлынов, Сольвычегодск		+					·	+		·					+
Волоколамск								·							
Москва	·	+			+	×		×			+			×	×
Тверь, Кашин		+													×
Владимир, Суздаль								·						·	
Н. Новгород, Алатырь			+			+							+	+	
Рязань								·						·	
Орел, Белгород						+		·							
Воронеж						·		·							
Дорогобуж, Вязьма	+			+		×						+			
Смоленск	×			+		+									
Сибирь								+	·	×					+

География названий гигиенической посуды и вместилищ для посуды

	В. Новгород	Тихвин, Свирь	Белозерск	Двин. у.	В. Устюг	Сольвычегодск	Вологда	Кострома	Волоколамск	Москва	Владимир	Ржев	Рязань	Смоленск	Воронеж	Казань	Сибирь
рукомой	·	+					×			+	+						•
рукомойка				+	×												
рукомытник				•						•							
таз	×	+	+		×	×	×			×	·	·		·		+	+
клеяльница			·				·	·	·	+				·			
клееленка										·							
белиленка					·			·		+							
румянница										+							
поставец										×	×		+				
шаф, шкап										×							
судница										·			·				
судня															·		

Распределение старорусских регионализмов — названий посуды и утвари по диалектным зонам

	север		средне-рус.	юг		Сибирь
	с.-з.	с.-в.		ю.-з.	ю.-в.	
щепа	×	×	+	·		
плаха	+					
маслянка	+	+				
ваплянка	+					
тарелка	+	+	×		×	+
росольник	+	+	×		+	·
перечница	+	+	+			+
уксусница	·	·	·			
уксусник		·	·			
утка	·	·				·
канна	+	·	·			
питушка	·				·	
конюх		·	·			
скобкарь	+		+			
кушин			·		+	+
кукшин	×	+		·		
воронок		·	+			
оловеник	+	+	+		+	+
яндова	+	×	+	+		+
ендова			·	·	+	
фляга	+	+	+	+		+
калитка	·		+			
косяк	·	·	·			+
брусок	·		·			
кнея	·	·	·			
кумган	·	·	·		·	
кандея	·	·	·		·	
медяник	·	+	·			×
латка	+	·	·			·
плошка нит.			×	+	·	
веко	+	·	·	·	·	+
решетка	·		·			
заторник	·	·	·			

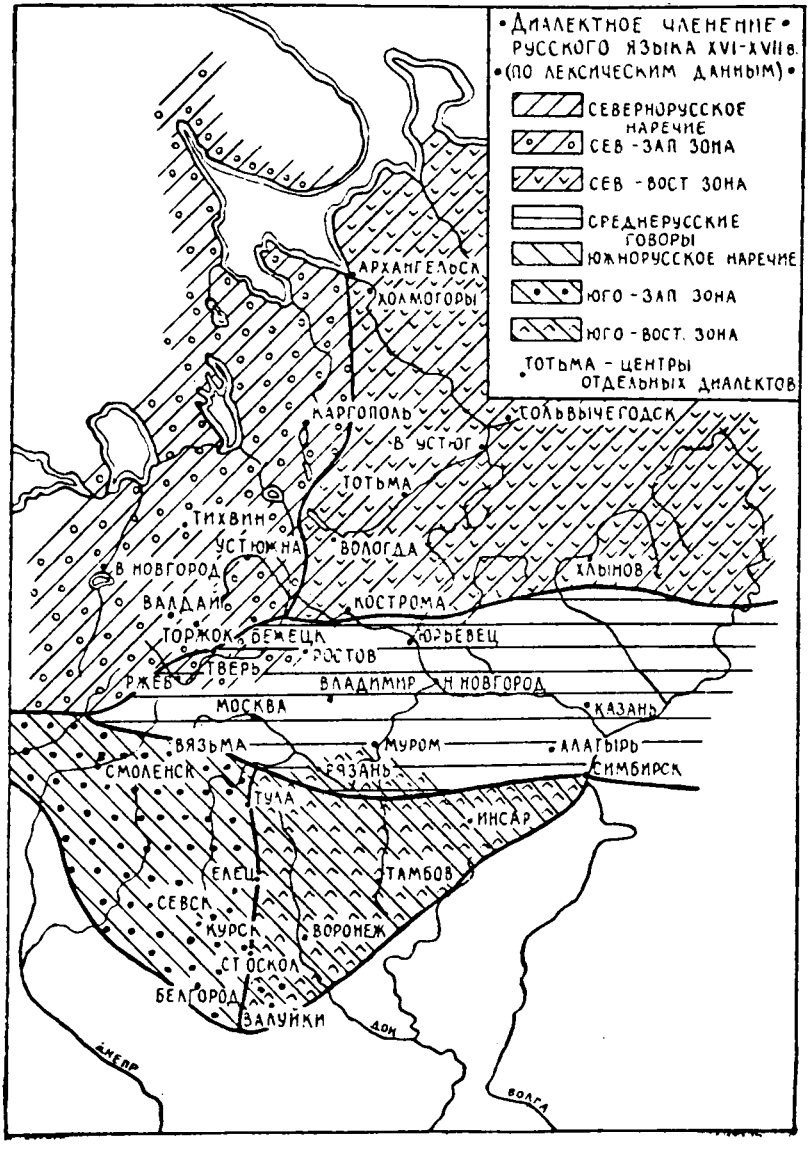
	север		средне-рус.	юг		Сибирь
	с.-з.	с.-в.		ю.-з.	ю.-в.	
спускник		·	·			
цепник	·	+	·			
чоп					+	
казан					+	
грохот	·	·	·			
сельница	·	·				
сеяльница	·	+				
квашня	+	+	·		·	·
чаша хлебн.	+	·	·			
дойник		·	+			
подойник	+		·			
кринка	+	+	+		·	
молостов			·		·	
мастюшка					+	
махотка					·	
череп	+	×	·			
уполовник	+	·	·		·	
поварница	+	·				+
поваренка	·	·				
а(у)полоник			·	·		
чюмич	+	·	+			
лежанка	·		·			
кадца	+	·	·		·	+
кадулька		·				
дуплянка	·	·				
извара	·	+	·			
мерник	·	+	×			+
лазбень				+		
ушат	+	+	+		+	
напол			·	×	+	
лагун	+	×	+	·	·	+
лаговка	·	·				
лагушка	+	+	·			
галин(а)	·	·	·			

	север		средне-рус.	юг		Сибирь
	с.-з.	с.-в.		ю.-з.	ю.-в.	
насадка	+	·	·	·	·	
носок		·				
селедовка	+		·			
осташевка	+		·			
комяга			·		·	
коробья мерн.	·					
коробейка	×	·	+		+	·
кошель для утвари	+	+	+		·	
кошель для сена	·	·				
кошель для воды	·	·	+			
крошни	+	+	+	·		
зобня		·	·			·
пестерь	+	×				
пещерь			·	·	·	
кузов	·	+			+	
берестень	·	·	+	+		
луб (и произв.)	+	·		·		
пошев	·		+			
бурак «короб»	+					
бурак «сосуд»		×	·		·	
туес	+	+	+			
корзина	+		·			
игольница	·			×		
игольник	·			+		+
рогоза	·	+	·			
рогозина	·	·	·			
рогожа	+	+	×	+	+	
лапотница			·		+	
циновка			+		·	
воспище			·		·	
шалгун	·					
веретище	·		+	+	·	
бумажник	·	·			·	
калита	·		·			

	север		средне-рус.	юг		Сибирь
	с.-з.	с.-в.		ю.-з.	ю.-в.	
козушка (-ица)	+		·		·	
мошня	×	+	·	·	·	+
хамьян	+	+				
кварта	+		·	+		
четверик		+	+			
гарнец				+		
насыпка		·	·			
скрыня	·		+	+	·	
ларь	+	·				
приголовок	·	·	+			·
призголовок	·	·				+
кореноватик[1]	·	·	·		·	
шкатулка	+	+	+		·	
колодка	+	+	×			+
рукомой	·	+	+			·
рукомойка	·	+	·			
таз	×	×	+	·		+
клеяльница	·	·	·		·	
белиленка		·	+			
поставец			+		·	
судница			·		·	

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЛОКАЛИЗМЫ И ДИАЛЕКТНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ЯЗЫКА МОСКОВСКОЙ РУСИ XVI—XVII вв.

Исследование территориального распределения бытовой лексики показывает сложную конфигурацию ареалов отдельных диалектных средств. При этом отчетливо проступают очертания нескольких, хорошо противопоставленных по лексическим данным диалектных зон, границы которых по ряду причин восстановлены с известной долей условности (см. схему «Диалектное членение русского языка XVI—XVII вв. по лексическим данным»; первоначальный комментарий к схеме см. в наших работах: Лексические диалектизмы и диалектные объединения языка Московской Руси // Вопросы языкознания, 1985, № 5. С. 83—93; Лексические связи среднерусских говоров в русском языке преднационального периода // Среднерусские говоры.— Калинин,


ДИАЛЕКТНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА XVI-XVII в. (ПО ЛЕКСИЧЕСКИМ ДАННЫМ)
СЕВЕРНОРУССКОЕ НАРЕЧИЕ
СЕВ-ЗАП ЗОНА
СЕВ-ВОСТ ЗОНА
СРЕДНЕРУССКИЕ ГОВОРЫ
ЮЖНОРУССКОЕ НАРЕЧИЕ
ЮГО-ЗАП ЗОНА
ЮГО-ВОСТ. ЗОНА
ТОТЬМА - ЦЕНТРЫ ОТДЕЛЬНЫХ ДИАЛЕКТОВ
АРХАНГЕЛЬСК
ХОЛМОГОРЫ
КАРГОПОЛЬ
СОЛЬВЫЧЕГОДСК
В. УСТЮГ
ТОТЬМА
ТИХВИН
УСТЮЖНА
ВОЛОГДА
ХЛЫНОВ
В. НОВГОРОД
ВАЛДАЙ
КОСТРОМА
ТОРЖОК
БЕЖЕЦК
ЮРЬЕВЕЦ
РОСТОВ
ТВЕРЬ
РЖЕВ
ВЛАДИМИР
Н. НОВГОРОД
МОСКВА
КАЗАНЬ
ВЯЗЬМА
МУРОМ
АЛАТЫРЬ
СМОЛЕНСК
РЯЗАНЬ
СИМБИРСК
ТУЛА
ИНСАР
ЕЛЕЦ
ТАМБОВ
СЕВСК
КУРСК
ВОРОНЕЖ
СТ. ОСКОЛ
БЕЛГОРОД
ВАЛУЙКИ
ДОН
ДНЕПР
ВОЛГА

1986.— С. 55—64). Во-первых, следует учесть, что «каких-либо общих границ диалекта (наподобие границ между княжествами, губерниями, областями и т. п.) не существует. Реальны лишь изоглоссы отдельных явлений и выделяемые на основе их пучков диалектные зоны. Границы между зонами колеблются, являются расплывчатыми» (Филин 1968, 383). Во-вторых, примем во внимание неравномерное распределение сохранившихся и исследованных источников по территории России. В-третьих, сравнительно редкая сетка обследованных пунктов не позволяет намечать границы зон с абсолютной уверенностью, ср.: «диахронические лингвистические карты демонстрируют лишь тенденции в развитии определенных элементов, а не их абсолютные хронологические и территориальные параметры» (Нимчук 1984, 86). Уточнение этих границ является перспективной задачей, для ее решения требуется систематическое описание одного старорусского говора за другим на основе массового привлечения локализованных письменных источников. На наш взгляд, полное отождествление границ современных диалектных ареалов с их границами в XV—XVI вв. и даже более ранними (Хабургаев 1980, гл. 5) и убежденность в длительной неизменности диалектных границ противоречат фактам истории языка. Кроме того, даже при тождестве ареалов взаимоотношения соседних говоров могли быть совершенно иными, нежели сейчас.

В старорусском языке XVI—XVII вв. противополагаются по отношению друг к другу пять диалектных массивов. Север противостоит югу, они разграничены широкой и неровной полосой среднерусских говоров, внутри которой находятся такие пункты, как Торжок — Тверь — Москва — Владимир — Нижний Новгород. Внутри северной и южной территории в свою очередь противопоставлены запад и восток, но с меньшей степенью отчетливости, особенно в центральной и южной части России. Мысль о подобной схеме диалектного членения старорусского языка высказывалась и ранее, ср.: «более исконное противопоставление говоров русского языка в направлении с запада на восток постепенно перекрывалось вновь намечавшимся выделением говоров северного и южного территориальных подразделений» (Образ. севернорус. наречия 1970, 230). Граница между западной и восточной зонами проходит восточнее линии Холмогоры — Каргополь — Белозерск — Бежецк. При этом отметим, что нижнее течение Северной Двины (Архангельск, Холмогоры, Сия) является той переходной территорией, где изоглоссы северо-западной и северо-восточной зон набегают друг на друга. Говоры Пскова и Великого Новгорода по лексическим показаниям местной деловой письменности решительно тяготеют к северно-

русскому наречию, ср. характеристику современных псковских говоров: «перед нами в лексическом отношении говоры исторически северные в своей основе, сохранившие и сегодня немало севернорусского, но подвергшиеся позднее очень сильным влияниям извне» (Герд 1984, 8). В южнорусской области малоотчетливая граница между западной и восточной зонами идет по линии Тула — Елец — Старый Оскол. Напомним, что юго-восточную зону южнорусской территории в свое время С. И. Котков ограничил пунктами Вольный — Белгород — Новый Оскол — Острогожск — Воронеж — Усмань, а также включил в нее юго-западную часть Рязанского края (Котков 1963, 15—16). В общем виде указанные зоны близки к диалектным объединениям древнерусского языка XI—XIV вв., намеченным Ф. П. Филиным на основании лексических данных летописей: 1) севернорусская: а) северо-западная, в т. ч. новгородская, псковская и др., б) северо-восточная; 2) южнорусская; 3) восточнорусская; 4) западнорусская (Филин 1949, 277). Вместе с тем намеченные нами зоны частично совпадают с зонами, выявленными по этнографическим данным XIX — начала XX вв.: севернорусская (Новгородская, Олонецкая, Архангельская, Вологодская, Ярославская, Костромская губ.), южнорусская (здесь выделяется крайний юго-запад благодаря близости своей материальной культуры к культуре и быту украинцев и белорусов), среднерусская (Московская, Владимирская, частично Тверская и Нижегородская, а также север Рязанской, Калужской губ.), западная, имеющая переходные черты (Псковская, Смоленская, юго-запад Тверской губ.), северо-восточная, юго-восточная (Работнова 1964, 4; Лебедева, Маслова 1967, 256—260).

Назовем локализмы, послужившие основой для выделения указанных диалектных массивов. В их число вошли слова, устойчиво и широко употреблявшиеся на соответствующих территориях. Лексемы единичного употребления и слова с недостаточно определенной географией распространения сюда не включаются.

Вот характерные севернорусские лексемы, известные на всей территории Русского Севера: названия рукавиц *вачеги, верхи, верхонки, дельницы, дубленицы, надолонки;* названия одежды *платяное, верхник, шубник, одевальница* 'тип шубы', *сукник, свитка* 'тип рабочей одежды', *шушун* 'верхняя женская одежда из ткани, иногда подбитая мехом', *кумачник* 'сарафан из кумача'; названия обуви *малье* 'детская обувь или обувь малых размеров', *уледни — уледи, унты, головы* 'сапоги с пришитыми головками'; названия посуды и утвари *дуплянка* 'тип бочки', *зобня* 'корзина', *подойник, латка, кошель* 'короб для сена', *решетки*

'приспособление для жарения и печения пищи', *ставик* 'сосуд для хранения напитков и жидкой пищи', *ларь, поварница — поваренка, утка* 'солонка в форме птицы', *чаша* 'деревянная посуда для валяния хлебов', *маслянка, призголовок, пестерь, рогожа* 'рогожный куль'.

На западе северной части России, где были земли, давно освоенные новгородцами (Псков, В. Новгород, Валдай, Тихвин, Белозерск, Свирь, Онега, Архангельск, Холмогоры), употреблялись такие, отличительные для этой территории лексемы: *шубницы, деяницы, деяльницы, шушпан* 'женская легкая рабочая одежда, тип сарафана', *понева* 'тип наплечной одежды', *яры* 'сапоги из оленьей шкуры с пришитыми к ним штанами', *лежанка* 'бочка', *коробья* 'мерный сосуд', *бурак* 'короб для хранения бытовых предметов', *шалгун* 'сумки из ткани для бытовой рухляди, соединенные попарно для переноски на плече'.

На северо-востоке (Сольвычегодск, Хлынов, В. Устюг, Тотьма, Вологда, Кострома, Ярославль) представлены следующие локализмы: *лопоть* 'одежда вообще', *верхница* 'рубашка', *солдатка* 'тип шубы', *свитка* 'тип женской верхней одежды', *ремень, полукушачье, кромка* 'пояс', *поршни, обуток, обуя, стречни* 'вид обуви особого покроя', *пимы, полуголенки* 'чулки', *кадулька, дупелька* 'тип бочки', *сельница — сеяница — сеяльница* 'корыто или лоток, в который ссыпалось просеиваемое вещество', *галин* 'небольшой деревянный или металлический бочонок', *носок* 'небольшой деревянный сосуд с двумя днищами'.

Выявленные в области предметно-бытовой лексики различия между северо-западной и северо-восточной зонами подтверждают вывод, сделанный Ю. И. Чайкиной на основе анализа других лексических групп, о том, что «существовавшая на более раннем этапе развития русского языка тенденция к обособлению словарного состава западной и восточной зон в их северной части в среднерусский период получает дальнейшее развитие» (Чайкина 1975, 155).

Учитывая наличие значительного числа локализмов, связанных с тем или иным культурно-письменным центром Севера, можно говорить о существовании в старорусский период ряда севернорусских говоров: это **белозерские** говоры (*водяницы, плетеницы, передовик* 'передник', *хамгла* 'рыбацкий передник', *шадра* 'разновидность деревянной посуды', *пантюха* 'столовая чаша', *ушатник* 'ушат', *лжично* 'футляр для лжицы, т. е. ложки, используемой при причастии'), **тихвинские** (*курпы* 'тип башмаков', *вороновка — вороненка* 'тип бочки', *зеленка* 'чашка зеленоватого цвета, сделанная из глины', *кортель* 'столовый сосуд из олова', *лежка — лежатка* 'тип бочки', *мещелка* 'род сумки, мош-

на', *панна* 'сковородка', *уполовня, яндовочник* 'вместилище для хранения яндов'), **великоустюжские** (*кошуха* 'рубашка', *прикопытки* 'короткие чулки', *исподницы* 'нижние рукавицы', *камошницы* 'рукавицы из оленьих камасов', *шабур* 'летний рабочий балахон из холста', *бумажница* «вместилище для бумаг», *бехтерь* «плетеное вместилище», *коробец — коробчик, лагвица* «баклажка для хранения напитков, емкостью до 4 ведер», *подойница* «сосуд для молока, используемый при доении коров», *пуз* «мера и тара для сыпучих веществ», *седун* «котел для изготовления вина», *цепня* «колодезная бадья»), **северодвинские** (*бусарка* «меховая одежда, покрытая тканью бусого цвета», *холщевица — холщевня — холщага* «одежда из холста», *костыч* «тип сарафана», *исподка* «нижняя женская рубашка», *верхница* «верхняя рубашка», *крестоватик* «тип меховой одежды», *завеска* «передник», *долгари* «тип обуви с долгими голенищами», *пимы, исцель* «сапоги, сшитые из целого куска кожи», *ровдужницы* «рукавицы из ровдуги, т. е. из оленьей шкуры», *доиленка* «подойник», *криница* «кринка», *коренник* «тип посуды из корня дерева», *липовка* «кадочка из липового дерева», *порочка* 'черпак', *сусленик* 'сосуд для сусла', *ушатец, хлебенка*' посуда для хранения печеного хлеба'), **вологодские** (*бусырь* 'рабочая одежда из ткани бусого цвета', *дубленки* 'рукавицы из дубленой кожи', *берестяники* 'лапти из бересты', *скрешни* 'тип сапог', *ошетни* 'тип сапог', *завитуха* 'тип рогожи', *огуречник* 'столовая посуда для овощей', *перешничек, плошка* 'кухонная посуда для жарения'); **новгородские** (*охоратки, кожницы*). Прослеживается связь многих соседних говоров, например, устюжских и северодвинских (см. общие лексемы: *рукомойка, лаговка, хамьян* 'тип мошны'), тихвинских и белозерских и т. п. Обратим внимание на заметные различия в отношении лексики между вологодскими (от Вологды до Тотьмы включительно) и великоустюжскими говорами (по нижнему течению р. Сухоны до Сольвычегодска), вероятно, в прошлом вологодские говоры не были в такой степени едиными, как сейчас, т. е. великоустюжские говоры существовали как отдельные.

Остановимся на характеристике северодвинского говора. Его включение в состав северо-западного диалектного объединения имеет известную традицию, ср., например: «Холмогорский говор сложился на основе древнего новгородского наречия под некоторым воздействием туземных языков (белозерской чуди, саамов, ненцев). С XVI в. подвергся скрещению с устюжско-вологодским, верхневолжским и московским диалектами» (Ларин 1959, 310). Вместе с тем диалекты нижнего течения Северной Двины тяготеют и к северо-восточной зоне, что подкрепляется этнографическими и антропологическими связями этих мест (Витов

1964). Полагаем, что говоры нижнего течения Северной Двины могут быть отнесены к промежуточным, здесь происходило взаимодействие северо-западных и северо-восточных говоров, особенно активное в старорусский период. В. Я. Дерягин и Л. П. Комягина на основе анализа старорусских названий построек, географической терминологии и современного диалектного материала намечают границу между северо-западом и северо-востоком по водоразделу Онеги и Двины с Вагой (Дерягин 1966, 17; 1968; Комягина 1971; 1984). По нашим данным, эту границу нужно вести от Холмогор к Каргополю. Формирование северодвинских говоров, новгородских в своей основе, завершается лишь в XVII в. под влиянием верхнедвинских (великоустюжских) и сухонских (вологодских) говоров. Попутно заметим, что именование старорусских говоров по названиям рек было бы более правильно, поскольку население в те времена размещалось по водным путям. На XVI—XVII вв., как на завершающий период формирования некоторых говоров, указывает и К. В. Горшкова: «Распространившись на огромной территории, отдельные части которой имели своеобразную судьбу, новгородский диалект в разных местах развивался неодинаково. История формирования этих групп и диалектных различий между ними относится к эпохе после XV в., т. е. главным образом к XVI—XVIII вв., и в нашей науке совершенно не изучена» (Горшкова 1972, 144).

Среднерусские говоры, за исключением московских, не обнаруживают лексической специфики, подтверждая тем самым свое промежуточное, переходное положение между севернорусскими и южнорусскими диалектами. Следует отметить размытость границ среднерусских говоров: северной границы — из-за тяготения к севернорусскому наречию волоколамских и тверских говоров, южной — из-за заметной связи южного Подмосковья с рязанскими говорами, см. общие лексемы в последних: *судница* 'вместилище для посуды', *воспище* 'подстилка или мешок из дерюги', *лапотница* 'тип рогожи', *циновка* 'тип рогожи'. В крайней западной части среднерусской территории вовсе не заметно какой-то промежуточной прослойки между севернорусскими и южнорусскими говорами, что, кстати, объясняет определенную близость смоленского говора к севернорусскому наречию.

Большое число локализмов имеет старомосковский говор. Словарь московской письменности вообще поражает своим объемом, в деловой и художественной речи Москвы происходил иногда осознанный, но чаще стихийный отбор лексических средств из огромного числа общерусских лексем или элементов других диалектов, разными путями попадающих в говор Моск-

вы, который объединял русские языковые силы. Благодаря активным контактам населения диалектные, типично северные или специфические южные слова хотя бы отдельными употреблениями могли быть представлены в московских источниках, не переставая от этого оставаться регионализмами определенной территории: это севернорусские *подойник, латка, решетки,* южнорусское *понева* 'женская набедренная одежда', юго-западные *фартук, катанка, дылея,* северо-западные *мурманка, повязка,* северо-восточные *полуголенки, чарки* и т. д. Наличие в языке Москвы большого числа подобных фактов ставит под сомнение объективность предложенной Н. С. Бондарчук методики определения старорусских диалектизмов путем сопоставления местных явлений с данными московских письменных источников (Бондарчук 1974, 178) и подтверждает необходимость привлечения для лингвогеографических исследований письменных источников разной территориальной приуроченности.

В словаре Москвы отмечаются и другие специфические явления. Известный консерватизм царского двора в отношении церемониальной и нарядной одежды, традиционность обычаев проведения приемов и пиров привели к сохранению ряда архаичных названий. В то же время в язык Москвы активно поступали иноязычные заимствования, связанные с новыми типами западноевропейских короткополых одежд и новыми веяниями в области домашнего быта. Столкновение архаичного русского материала и новейших западноевропейских заимствований — характерная особенность словарного состава московского говора XVI—XVII вв.

Наблюдается большое число лексем, общих для севернорусских и среднерусских говоров (см. наши работы: Судаков 1985; 1986). Однако не удалось выявить фактов, объединяющих северо-восточную зону с ростово-суздальскими говорами. Это можно объяснить тем, что новгородская колонизация северо-восточной зоны была более ранней, она началась в X—XII вв. (Богословский 1909, 1—4; Бернштам 1973, 24), а ростово-суздальская проходила позднее, в XIV—XV вв., и выражалась лишь в организации здесь ростово-суздальского административно-финансового управления (Кизеветтер 1919, 12; Очерки колон. 1922, 35—37).

Интенсивным было воздействие ростово-суздальской колонизации на состав и культуру населения, сидевшего по р. Мологе, Шексне, вокруг озер Белого, Кубенского, Воже и Лаче (см. лексические показания: Судаков 1985; 1986). Здесь находят отражение древние связи Московского и Ростово-Суздальского княжеств с Белозерьем и Вологодчиной, московская и ростово-суздальская колонизация Севера, проходившая в XIII—XV вв.,

а также волна обратной миграции в XVI—XVII вв. Немалую роль играет и «первоначальный севернорусский характер ростово-суздальского диалекта» (Аванесов 1953, 68).

В южнорусской диалектной зоне обнаружено меньше специфической лексики, но эта зона характеризуется отрицательными показаниями в отношении вышеуказанных севернорусских и среднерусских регионализмов. Вот типичные южнорусские слова, отмеченные на всей территории юга: *вязенки* 'вязаные рукавицы', *понева* 'женская набедренная одежда', *запояска, подпояска, покромь* 'женский пояс', *комяга* 'корыто для воды', *напол* 'тип кадки', *уполоник* 'разливательная ложка'. На юго-востоке также отмечены *синевка* 'тип поневы', *чоп* 'чан, используемый при винокурении', *мастюшка* 'горшок для масла и других жидких продуктов', *махотка* 'небольшой кухонный горшок'. На юго-западе наблюдаются лексемы *панчохи* 'разновидность чулок', *сельник* 'лоток, в который ссыпается просеиваемое вещество', *гарнец* 'тип посуды', *лазбень* 'род кадки, жбана'.

Можно выделить также рязанские локализмы (*синявка* 'тип поневы', *снур* 'головной убор', *поставня* 'хлебная чаша', *севальник* 'лукошко для ручного сева зерна'), воронежские (*варги* 'вязаные рукавицы', *вершки* 'верхние рукавицы', *бострог* 'тип женской одежды', *безрукавка, деланка* 'тип поневы', *запаска* передник', *деготница* 'сосуд для дегтя', *плахта, копица* 'башлык', *каюк* 'корыто для выращивания солода', *кляга* 'бочонок', *кадиль* 'кадка', *дежа* 'квашня', *кошелка, прикадок, садовница* 'лукошко', *судня* 'вместилище' для посуды'), смоленские (*сноваика* 'тип поневы', *хустка* 'головной платок', *перчатки*).

Значительным единством отличались говоры, расположенные в западной части русской территории (от Тихвина до Смоленска), по этой причине смоленские говоры иногда не включают в южнорусское наречие. Но все же если Вязьма и Дорогобуж по лексическим данным местной письменности ближе к северо-западу, то Смоленск — к юго-западу, ср. мнение о том, что смоленский говор XVI—XVII вв. не входил в южнорусскую диалектную зону (Борисова 1974, 112; Котков 1963, 16). Приведем вначале общие для всей указанной западнорусской территории лексические единицы: *магирка* 'войлочный колпак', *приволока, саян, шлык; игольница — игольник, квирта* 'сосуд для жидкости с ручкой и крышкой; мера объема', *насадка* 'деревянный бочонок для напитков, емкостью до 7 ведер', *осташевка* 'тип бочки', *селедовка* 'тип бочки', *питушка* 'сосуд для напитков'.

В лексическом составе западнорусских и севернорусских письменных источников наблюдаются общие элементы: *кандея, кувшин,* а также названия вместилищ с корнем *луб-*. В запад-

норусских говорах и в южнорусском наречии отмечены общие названия одежды: *катанка, дылея, фартук*. Западный регион по лексическим показаниям можно характеризовать как переходную зону. Любопытно, что по этнографическим данным, правда, более позднего периода — XIX—XX вв. он также является переходной зоной (Лебедева 1967, 193—267).

Как показывает анализ, лексические связи говоров северной территории и среднерусских диалектов в XVI—XVII вв. были значительнее, чем аналогичные коммуникации средней России и юга. Сравнивая локальную лексику разных территорий с точки зрения ее употребительности, междиалектного распространения, можно заметить, что диалектизмы севера устойчивее, значительно и их число; данное обстоятельство в некоторой степени объясняется наличием богатой деловой письменности, хорошо отражающей местные явления. Можно предполагать более существенный вклад севернорусского наречия по сравнению с южнорусским в общенародную лексическую сокровищницу: многие слова, впервые отмеченные в письменных источниках Русского Севера, позднее закрепляются в общерусском употреблении.

Наблюдения за временем появления того или иного слова на разных территориях позволяют судить о центре инновации, что важно как для выяснения вклада отдельных говоров в общерусский лексический фонд, так и — в случаях с заимствованными словами — для определения источника заимствований. Например, слова *курта, куртка* были первоначально западнорусскими, а со второй половины XVII в. приобрели общерусский характер. *Чан* (именно этот вариант) вначале известен в памятниках Северной Руси, с начала XVII в. появляется в московских текстах, а со второй половины столетия слово употребляется повсеместно. Первые примеры употребления слова *лагун* наблюдаются в севернорусских актах, к концу XVII в. оно обнаруживается в письменности среднерусской полосы. *Шайка* вначале известно в памятниках Сибири и восточной части севернорусского наречия, к середине XVII в. занимает все пространство Русского государства. Слова *кузов* и *бумажник* распространяются по русской территории с севера, *корзина* и *сундук* — с северо-запада, *туес* и *подголовок* — с северо-востока. *Чемодан* вначале было известно в Москве и на севере России, а с середины XVII в. становится общерусским. *Шкатулка* в изучаемый период было распространено в центре и в бассейне Северной Двины, южнее Рязани это слово не отмечалось. Все приведенные факты касаются севернорусских локализмов, постепенно получивших общерусское распространение.

В отношении южнорусских лексем (имеются в виду лишь тематические группы «одежда» и «утварь») подобные случаи неизвестны. В лексике юга преобладало общерусское, местных черт здесь вообще в количественном отношении меньше. Отчасти это объясняется меньшим числом и более поздним характером сохранившихся письменных источников. Определенную роль сыграли и историко-социальные причины, определившие менее существенную роль юга России в хозяйстве страны. Из 16 русских городов, в которых в XVII в. насчитывалось более 500 дворов, на севере находилось 9, причем все они имели торгово-ремесленный характер. Южнорусские города населялись главным образом служилыми людьми и земледельцами, здесь имелся лишь один крупный город — Калуга (Муравьев 1973, 138—139). В отношении юга нужно учесть и такой фактор: русское население здесь существовало непрерывно, но наиболее интенсивно юг заселялся в XVI—XVII вв., причем заселение шло с севера на юг, в частности, из Тульского, Московского, Костромского, Владимирского, Суздальского и других среднерусских уездов (Багалей 1887, 369; Готье 1937), поэтому среднерусское и общерусское влияние на южнорусскую речь (а не наоборот) в ту пору было особенно значительным. Со второй половины XVII в., особенно в связи с таким событием, как воссоединение Украины с Россией, возрастает украинское влияние на юге, начиная с курско-белгородских мест (Багалей 1887, 159; Танков 1913, 200—201; Хабургаев 1966, 278—279, 308—309). Одновременно в связи со стабилизацией населения крепнут южнорусские диалектные черты. Возможно, некоторые южнорусские особенности развились, окрепли и распространились на более широкую территорию, например, в верхнеднепровские говоры (Дорогобуж, Вязьма), лишь в национальный период. На интенсивность изменений южновеликорусских говоров за последние три-четыре столетия указывает и С. И. Котков (Котков 1975, 13).

Что касается проблемы так называемой «диалектной основы национального языка или — в нашем случае — «национального бытового словаря», то можно сказать, что единственной диалектной основы не было и быть не могло. Перерыва в развитии языка древнерусской народности к языку великорусской народности не было, нет границы и между донациональным и национальным состояниями языка. Фонд общерусских лексических средств, переходящих от одного языкового состояния к другому, постоянно возрастал, именно он и был ядром, основой, базой для словаря национального языка. В этом ядре родовые названия, появившиеся в древнерусский период и ранее, были первоначально чаще южнорусскими, а значительное число видовых обозначе-

ний зафиксировано лишь в XV—XVII вв. и первоначально в севернорусских источниках. Ведущая роль среднерусских говоров и особенно говора и письменности Москвы состояла в том, что благодаря историческим условиям формирования нации именно здесь происходил процесс отбора, закрепления и распространения (с помощью письменности и другими способами) общерусских лексических средств. Общерусское значение московского говора на основе данных фонетики и морфологии обосновал еще А. А. Шахматов (Шахматов 1894; 1916). Историко-лексикологические наблюдения не подтверждают выдвинутой в начале 50-х годов идеи об определяющей роли южновеликорусских говоров в формировании национального языка (см. ее обоснование: Аванесов 1953; критический разбор приводится в работе: Черных 1958). Как заметил В. В. Виноградов, «к исходу XVI — середине XVII в. общенародный разговорный и письменно-деловой язык, оформившийся на базе средневеликорусских говоров с руководящей ролью говора Москвы, приобретает качества общерусской языковой нормы» (Виноградов 1969, 34). В свою очередь характер московского говора «определяла не местная диалектная база, а та диалектная доминанта, которая сложилась в процессе взаимодействия более широких диалектных образований русского юга и севера» (Котков 1960, 61). Вместе с тем лексические данные подтверждают предположение С. П. Обнорского о том, что «в XVII в. на самой московской территории севернорусских черт было более, чем сколько мы наблюдаем в московском говоре в настоящее время» (Обнорский 1960, 159), часть этих черт (*лагун, кузов, корзина, бумажник* и др.) позднее приобрела общерусский характер. Старорусские факты из области лексики не дают оснований для утверждения о том, что «главенствующим началом формирования московского койне были не северновеликорусские, а южновеликорусские говоры», как считал Ф. П. Филин (Филин 1982, 101).

Что касается русского языка в Сибири, то он зависел от своей северновеликорусской основы и был особенно близок к говорам северо-восточной зоны, что подтверждается большим числом общих лексем: *лопоть, шушун, свитка, шабур, верхница, полукушачье, обуя, пимы, уледи; поварница, призголовок, рогоза, утка* 'солонка', *меденик, зобня* 'корзина', *косяк* 'род сосуда'. В свое время А. М. Селищев высказал мысль о том, что «в основу сибирских говоров легли говоры северной полосы Европейской России — говоры Новгородской, Олонецкой, Вологодской, Архангельской, Вятской и Пермской губерний» (Селищев 1968, 226). Старорусские лексические данные дают возможность ограничить генетическую основу сибирских диалектов

северо-восточными, а из числа северо-западных — двинскими говорами. Наблюдаются здесь и специфические, местные слова, заимствованные из тюркских, финно-угорских и тунгусо-маньчжурских языков, например, названия меховой одежды и обуви, как *доха, малица, парка, тулуп, санаяк, яка, торбосы* и др. Уже в XVII в., когда некоторые районы Сибири были достаточно освоены русскими, а местное население ассимилировано, здесь создаются условия для формирования в ряде говоров, например, в томском, средневеликорусских черт (Палагина 1973, 22).

Говоры Поволжья тяготели к среднерусским и юго-восточным диалектам (*казан* 'котел для винокурения', *плошка* 'питейный сосуд'). Выделяется своим смешанным словарем астраханская письменность, где есть местные названия (*баба* 'сосуд для питья', *стоятня* 'тип бочки', *тартовка* 'тип рогожи', *чапурка* 'керамическая чашка для напитков'), встречаются и элементы других диалектов, в том числе севернорусских.

Из сказанного напрашивается вывод о том, что, по-видимому, в период Московской Руси, хотя основные русские говоры уже вполне сформировались, шло дальнейшее развитие диалектов, уточнение их границ, нарастание местных особенностей как на территории метрополии, так — и особенно — в пограничных районах, т. е. западной и южной зоне, Сибири. Представляется преждевременным и неточным вывод о том, что «наблюдается полное соответствие ареалов XVII в. современному диалектному членению русского языка» (Хабургаев 1980, 178). В XVI—XVII вв. продолжается и процесс развития диалектных явлений в лексике, поэтому лексические факты в сочетании с фонетическими и грамматическими должны быть включены в совокупность признаков, различающих те или иные старорусские диалекты.

Коснемся некоторых частных моментов территориального функционирования старорусской лексики. Особый интерес и вместе с тем определенную трудность для выявления представляют междиалектные лексемы широкого, но не общерусского употребления, например, *ушат* — севернорус., среднерус., юго-вост.; *берестень* и *насадка* — севернорус., среднерус., юго-запад. При отсутствии общепризнанной литературной нормы, зафиксированной в определенном круге письменных источников, констатировать территориальную приуроченность подобных лексем можно лишь путем массового обследования разнолокальных источников.

Четкого попарного или погруппового территориального распределения лексем фактически не наблюдается, т. к. лексико-семантические процессы в говорах отличались динамичностью,

соседствующие говоры активно обменивались лексикой, а также и потому, что «самый характер лексико-семантических противопоставлений отличается неравномерностью и несимметричностью» (Шмелев 1973, 126), что особенно характерно для предметно-бытовой лексики. Примеры лексических соответствий обнаруживаются лишь внутри лексических микрогрупп. Например, если в севернорусских источниках диалектными являются названия рубах и сарафанов, то в южнорусских источниках им противостоят наименования разновидностей понев, но географического противопоставления слов *сарафан* и *понева* не было, поскольку *сарафан* было общерусским словом.

Отметим далее, что диалектное разнообразие в сфере названий женской одежды — результат большего разнообразия и большей изменчивости самой женской одежды. Комплекс мужской одежды носил общерусский характер, поэтому большинство соответствующих слов представлено на всей русской территории. Указанные особенности подтверждаются и на более широком славянском материале, так, в староукраинском и старобелорусском языках по сравнению с русским языком XV—XVII вв. также наблюдается значительное сходство словаря мужской одежды и значительные расхождения в номенклатуре женской одежды. Сопоставление анализируемой номенклатуры в восточнославянских языках данного периода обнаруживает количественно неодинаковый состав групп, разную частотность общих лексем, ср. широкую употребительность в русском языке слов *рубаха, рубашка, портки, порты* в соответствии со столь же распространенными в украинском и белорусском *сорочка* и *шаровары*. На русской территории, особенно на севере, широко используется слово *чулки*, в южнорусской и украинской письменности оно становится популярным с начала XVIII в. В староукраинских и старобелорусских текстах чаще встречаются слова *жупан, чеботы* и т. п.

На степень развитости локализмов в той или иной тематической группе иногда влиял сословный характер реалий. Среди названий крестьянской рабочей одежды или обозначений простонародной грубой и поношенной одежды особенно много локальных фактов, есть подобные элементы среди названий кухонных черпаков, ср. *поварница* — севернорус., сибирск., *поваренка* — севернорус., *уполовник* — севернорус., среднерус., юго-вост., *аполо/у/ник* — юго-запад., *чюмич* — севернорус. среднерус., юго-запад. Функционально одинаковые сосуды для винокурения получили повсеместно название *квасник*, но имелись и местные наименования: *заторник* — севернорус., московск., *спускник* — псковск., вологодск., костромск., *цепник* — белозерск., тверск.,

вологодск., костромск., *чоп* — южнорусск.. Одинаковые сосуды для приготовления теста на значительной территории от Поморья до Рязани получили название *квашня,* лишь в воронежских актах обнаружено наименование *дежа.* Сосуд для хранения молока на севере, в средней России и в северо-восточной части южнорусской территории назывался *кринкой,* а в районе Звенигорода, Мурома и Рязани, кроме слова *кринка,* употреблялось название *молостов* с тем же или очень близким значением. Во всех этих случаях диалектные различия основаны на неодинаковом членении одного и того же семантического поля носителями разных диалектов, что выражается различием мотивирующих признаков, аффиксов. Между одними и теми же лексемами на разных территориях возникали неодинаковые семантические отношения. Комплексы функционирующих на той или иной территории тематических и лексико-семантических групп отличаются количеством лексем, что отчасти зависит и от экстралингвистических причин: климатических условий местности, наличия того или иного сырья, особенностей технологии ремесла и т. д., см. обилие названий рукавиц в севернорусских источниках, наименований меховой одежды и обуви в сибирских материалах, более раннее появление на севере слова *ремень* в значении 'кожаный пояс для подвязывания одежды' и более частое употребление на юге лексемы *подпояска* 'пояс из ткани для подвязывания одежды'.

Диалектный характер часто приобретали и названия, заимствованные из других языков. Центрами таких инноваций были приграничные районы, на территории которых торговые и бытовые контакты с иностранцами были наиболее интенсивными (см., например о смоленском диалекте XVI—XVII вв. как посреднике в усвоении западноевропейских заимствований: Борисова 1983). Регион первоначального употребления заимствованного слова в русской письменности, а также маршрут его постепенного распространения по другим зонам может служить локализующим признаком для установления языка — источника заимствования. Если при этом разные фонетические варианты слова связаны с разными регионами (ср.: *кумган* — севернорус., московск., рязанск., *кунган* — среднерус., белозерск., рязанск., воронежск., см. также разную географию вариантов *яндова — ендова),* то это может быть свидетельством неоднократного заимствования слова из близкородственных языков, причем в разных частях России.

В истории лексики есть не только случаи расширения ареалов слов, но и факты ограничения территории бытования

лексемы, как было со словом *ночвы*, превратившимся из общерусского в локальное явление.

Среди локализмов XVI—XVII вв. есть и архаичные для той поры элементы, причем они употребляются не только в местной письменности, но и церковно-книжных сочинениях, в историко-повествовательных текстах: это названия мер и мерных сосудов (*лагвица, гарнец, пуз*), наименования царской и придворной одежды и др.

Дальнейшее развитие исторической лингвогеографии на материале лексики позволит уточнить картину территориальной дифференциации словарного состава русского языка и проследить за складыванием общерусского лексического фонда в других тематических группах.

ВЫВОДЫ

XVI—XVII вв. — чрезвычайно важный период в истории развития словарного состава русского языка. В это время крепнут объединительные тенденции во всех сферах духовной жизни народа, закладываются основы национального бытового словаря, происходит отбор в общерусскую лексическую сокровищницу семантически емких и стилистически выразительных слов из огромного числа книжных, разговорных и общеупотребительных или локальных элементов. Увеличивается число нейтральных общеупотребительных лексем, наблюдается широкое «олитературивание» слов бытовой сферы, ранее функционировавших лишь в отдельных говорах. Решающую роль в этом процессе играют говор и письменость Москвы. В старорусском бытовом лексиконе преобладают названия исконного происхождения, они составляют основу формирующегося национального бытового словаря, церковнославянизмы и иноязычные заимствования в нем составляют лишь незначительную часть. Усиливается нормализующее воздействие языка литературно-художественных и описательных сочинений религиозного и светского содержания, они выступают в качестве лаборатории семантико-стилистических проб и экспериментов, но в основном для родовых названий. Отбор лексем из разговорного фонда конкретных названий, из новообразований и заимствований происходил в деловой речи. Деловой речи принадлежит главная роль в формировании русского бытового словаря, в складывании общерусских лексических средств.

В XVI—XVII вв. речь горожан не была отделена от диалектной речи сельского населения, средством повседневного общения русских был русский разговорно-бытовой язык диа-

лектного характера, в котором имелось значительное число общерусских элементов. Просторечия, понимаемого сейчас как «эмоционально-сниженный пласт литературного языка и наддиалектные, не имеющие изоглосс явления, стоящие вне литературного языка», в XVI—XVII вв. не было. Мнение об относительном единстве в XVII в. общерусского городского просторечия (Хабургаев 1980, 81) не может быть принято за его бездоказанностью. Ф. П. Филин не без оснований предполагал, что «выделение просторечия началось во второй половине XVIII в.» (Ист. лексики 1981, 7). В языке XVI—XVII вв. было представлено следующее противопоставление: народно-разговорное — книжное, при этом в понятие «народно-разговорное» мы включаем диалектные средства и наддиалектные элементы общерусского употребления из устной бытовой речи городского и сельского населения, которые находят отражение в деловой письменности и частной переписке, в разговорниках и азбуковниках.

Единого и общенародного разговорного языка Московской Руси не было. Вся территория России была в равной мере диалектной, в меньшей степени это относилось к Москве и нескольким крупным торгово-ремесленным центрам, как Великий Новгород, Псков, Вологда, Астрахань, в койне которых заметнее проступали общерусские черты, не подавляя, впрочем, местного начала. К сожалению, койне русских средневековых городов на фоне крестьянской речи окружающего региона пока еще не изучены, затрудняет отсутствие текстов, связанных с мелкими населенными пунктами и отражающих диалектные особенности речи местных жителей. Замена в этом случае исторических сведений современным диалектным материалом снижает доказательность выводов.

Несколько иной была картина в Сибири и южнорусских областях, население которых в XVI—XVII вв. активно обновлялось, здесь процессы нивелировки диалектных особенностей и отбора общерусских средств в результате непосредственного общения уроженцев разных областей могли идти довольно быстро, уступая в интенсивности лишь аналогичным изменениям речи москвичей.

Различные формы устной и письменной речи были в разной степени связаны с диалектным разнообразием бытового общения.

Дальнейшее изучение истории лексики на основе учета всех форм применения языка, всего многообразия письменных источников позволит приблизиться к решению сложных вопросов формирования национальной лексической нормы, развития и

взаимоотношений отдельных диалектов и наречий, диалектов и литературного языка, выяснить сущность изменений в период перехода от донационального к национальному состоянию языка.

Источники

АН — Акты исторические, собр. и изд. Археографическою коммиссиею, т. I—V. СПб., 1841—1842.

А. междуцар.— Акты времен междуцарствия.— Чт. в об-ве истории и древностей российских, 1915, кн. 4, отд. 1, с. 1—100.

Аннилогов — Аннилогов Г. Н. Новые документы о России конца XVI— начала XVII века. М., 1967.

АРГ — Акты Русского государства. 1505—1526 гг. Сост. С. Б. Веселовский. М.: Наука, 1975.

Арс. Сух. Проскинитарий — Проскинитарий Арсения Суханова /1649—1653 гг./.— Православный палестинский сборник, т. 7, вып. 3. СПб., 1889, с. 3—300.

АФЗХ — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков, ч. 1—3. М.: изд-во АН СССР, 1951—1961.

Аф. Ник.- Хожение за три моря Афанасия Никитина, 1466—1472 гг. М.: изд-во АН СССР, 1958.

АХУ — Акты Холмогорской и Устюжской епархий, ч. 1—3. СПб., 1890—1908 /РИБ, т. 12, 14, 25/.

АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта древней России, т. I—III. СПб., 1857—1884.

Былины — Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков. М.—Л.: изд-во АН СССР, 1960.

Вел. Зерцало — Державина О. А. «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М.: изд-во АН СССР, 1965.

Влад. губ. вед.— «Владимирские губернские ведомости», 1855—1874.

ВМЧ — Великие Минеи-Четии, собр. всерос. митрополитом. Макарием, М.—СПб., 1868—1917.

ВОКМ — Вологодский областной краеведческий музей, № 2163—9548.

Вол.— Перм. лет.— Вологодско-Пермская летопись.— Полн. собр. русских летописей, т. 26. М.—Л.: изд-во АН СССР, 1959.

ВПДР — Воинские повести Древней Руси. М.—Л.: изд-во АН СССР, 1951.

Врем. И. Тим.— Временник Ивана Тимофеева. М.—Л.: изд-во АН СССР, 1951.

ВХК XVI в. - Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря. 70—80-е гг. М.—Л.: изд-во АН СССР, 1980.

ГА Волог. обл.— Государственный архив Вологодской области.

Гальковский — Гальковский Н. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси, т. 2. М., 1913.

Двор цесаря тур.— Двор цесаря турецкого. СПб., 1883.

Дм.— Домострой по списку ОИДР.— Чт. в об-ве истории и древностей российских, 1881, кн. 2, с. 1—165.

Дм. К.— Домострой по Коншинскому списку и подобным.— Чт. в об-ве истории и древностей российских, 1908, кн. 2, отд. 1, с. 1—70.

Дм. Свад.- Чины на свадьбе. Домострой по Коншинскому списку ОИДР.— Чт. в об-ве истории и древностей российских, 1881, кн. 2, с. 166—202.

Дон. д.— Донские дела, кн. 1—5. СПб., 1898—Пг., 1917 /РИБ, тт. 18, 24, 26, 29, 34/.

ДТП — Дела Тайного приказа, кн. 1—4. СПб., 1907— Л., 1926.

Д. холоп.— Яковлев А. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в., т. 1. М.—Л., 1943.

Д. Шакл.— Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках /1689—1725 гг./, т. I—IV. СПб., 1884—1893.

Ефименко — Ефименко П. С. Приданое по обычному праву крестьян Архангельской губернии. СПб., 1872.

Заб. Дом быт 2 — Забелин И. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., ч. 1—2. М., 1895—1915.

Ж. пр. Авв.— Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения.— М.: Худ. литература, 1960.

Изб. 1076 г.— Изборник 1076 г. М.: изд-во АН СССР, 1965.

Иос. Вол. Посл.— Послания Иосифа Волоцкого.— М.; Л.: изд-во АН СССР, 1959.

Каз. лет.— История о Казанском царстве /Казанский летописец/.— Полное собр. русских летописей.— Т. 19.— СПб., 1903.

КДРС — Картотека Древнерусского словаря /Словаря русского языка XI—XVII вв./.

Кн. вкладн. Ант.-Сийск. м.— Изюмов А. Ф. Вкладные книги Антониево-Сийского монастыря 1576—1694 гг.— Чт. в об-ве истории и древностей российских, 1917, кн. 2, отд. 1, с. 1—79.

Колон. Якут.— Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.: Сб. архивных документов.— Л.: изд-во АН СССР, 1936.

Котков. Моск. речь — Котков С. И. Московская речь в начальный период становления русского национального языка.— М.: Наука, 1974.

Лит. сб. Пролог — Литературный сборник XVII в. Пролог.— М.: Наука, 1978.

Лих. сб.— Лихачев Н. П. Сборник актов, собр. в архивах и библиотеках.— Вып. I—II.— СПб., 1895.

Мат. Москвы — Забелин И. Е. Материалы для истории, археологии, статистики г. Москвы.— Ч. I—II.— М., 1884—1891.

Ник.— Никольский Н. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство во второй четверти XVII в.— Т. 1.— Вып. 1—2.— СПб., 1897—1910.

ОВС — Описание свитков, находящихся в Вологодском епархиальном древлехранилище.— Вып. I—XIII.— Вологда, 1899—1917.

Отр. пословиц — Дмитриева Л. А. Отрывок сборника пословиц XVII в. //Рукописное наследие Древней Руси.— Л.: Наука, 1972.

Пам. Ряз.— Памятники русской письменности XV—XVI вв. Рязанский край.— М.: Наука, 1978.

Перс. д. — Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, т. 1—3. СПб., 1890—1898.

Песни Квашн.— Срезневский М. Н. Из материалов для истории устной поэзии. //Изв. АН СССР, отд. обществ. наук, 1932.— № 10.— С. 913—934.

Польск. д.— Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством.— Т. 1—4.— СПб., 1892—1912.

Пос. Жир.— Засекина — Посольство Жирового—Засекина /1598 г./.— Труды Восточного отделения Русского археологического об-ва.— Т. 21. СПб., 1892, с. 1—143.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

РИБ — Русская историческая библиотека.

Рус. нов. XVII в.— Русская повесть XVII века.— М.; Л.: Худ. литература, 1954.

Сенигов — Сенигов О. П. Памятники земской старины.— СПб., 1903.

Сим. Посл.— Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок XVII—XIX ст. Собр. и приготовил к печати П. Симони. I—II.— СПб., 1899.

Стар. а. Шуи — Гарелин Я. П. Старинные акты, служащие преимущественно дополнением к описанию г. Шуи.— М., 1853.

Суб. Мат.— Материалы для истории раскола за первое время его существования.— Т. 1—8 Под. ред. Н. Субботина.— М., 1874—1887.

Фенне — Tönies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian Pskov 1607.— Vol. 2.— Copenhagen, 1970.

Цен. роспись — Списки с товарных ценовных росписей.— Чт. в об-ве истории и древностей российских, 1900, кн. 2.

ЧОИДР — «Чтения в обществе истории и древностей российских».

Шляпин — Шляпин В. П. Акты Велико-Устюженского Михаило-Архангельского монастыря.— Ч. 1—2.— В. Устюг, 1912—1913.

Словари

Алексеев. Церк. сл.— Алексеев П. А. Церковный словарь, или истолкование речений славенских древних, также иноязычных без перевода положенных в священном писании и других церковных книгах.— М., 1773.

Васнецов — Васнецов Н. М. Материалы для объяснительного словаря вятского говора.— Вятка, 1907.

Востоков — Востоков А. Х. Словарь церковнославянского языка, т. 1—2.— СПб., 1858—1861.

Гринченко — Гринченко Б. Д. Словарь украинского языка.— Т. I—IV.— Киев, 1907—1909.

Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I—IV.— М.: Русский язык, 1978—1980.

КВОС — Картотека Вологодского областного словаря.— Вологда, пединститут/.

КЯОС — Мельниченко Г. П. Краткий ярославский областной словарь.— Ярославль, 1961.

Махек — Machek V. Etymologicky slovnik jazyka ceského a slovenského.— Praha, 1957.

Опыт — Опыт областного великорусского словаря.— СПб., 1852.

Подв.— Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении.— СПб., 1885.

Поликарп.— Лексиконъ треязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище из различных древних и новых книг собранное... Федора Поликарпова.— М., 1704.

Радлов — Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий.— Т. 1—10.— СПб., 1893—1911.

САР — Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный.— Ч. 1—6.— СПб., 1806—1822.

Сл. зап. Брян.— Расторгуев П. А. Словарь народных говоров западной Брянщины.— Минск, 1973.

СлРЯ XI—XVII вв.— Словарь русского языка XI—XVII вв.— Вып. I—13.— М.: Наука, 1975—1987.

Сл. Ср. Урала — Словарь русских говоров Среднего Урала.— Т. 1—4.— Свердловск, 1964—1983.

Срезн.— Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам.— Т. 1—3.— М., 1958.

СРНГ — Словарь русских народных говоров.— Вып. 1—20.— М.; Л.: Наука, 1965—1984.

Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка.— Т. I—IV.— М.: изд-во иностр. литературы, 1964—1973.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд.— Вып. 1—12.— М.: Наука, 1974—1985.

ЛИТЕРАТУРА

Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? /Ответ на статьи «Русского богатства» против марксистов/ //Ленин В. И. Полное собр. соч., изд. 5.— Т. 1.— М., 1975, с. 125—346.

Ленин В. И. О праве наций на самоопределение //Ленин В. И. Полное собр. соч., изд. 5.— Т. 25.— М., 1977.— С. 255—320.

Аванесов 1953 — Аванесов Р. И. К вопросам образования русского национального языка //Вопросы языкознания, 1953.— № 2.— С. 47—70.

Алексеев 1968 — Алексеев М. П. Словари иностранных слов в русском азбуковнике XVI в.: Исследования, тексты и комментарии.— Л.: Наука, 1968.

Багалей 1887 — Багалей Д. И. Очерки по истории колонизации и быта степной окраины Московского государства.— М., 1887.

Бернштам 1973 — Бернштам Т. А. Роль верхневолжской колонизации в освоении Русского Севера //Фольклор и этнография Русского Севера.— Л.: Наука, 1973, с. 5—29.

Богословский 1909 — Богословский М. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. 1.— М., 1909.

Бондарчук 1974 — Бондарчук Н. С. К вопросу лингвогеографической интерпретации семантических структур /на материале диалектной лексики письменных памятников русского языка XV — начала XVII вв./: Совещание по Общеславянскому лингвистическому атласу. Тезисы.— Воронеж, 1974.— С. 178—180.

Борисова 1974 — Борисова Е. Н. Лексика Смоленского края по памятникам письменности.— Смоленск, 1974.

Булыка 1972 — Булыка А. М. Даунія запазычанні беларускай мовы.— Минск, 1972.

Вахрос 1959 — Вахрос И. С. Наименования обуви в русском языке. 1. Древнейшие наименования до Петровской эпохи — Хельсинки, 1959.

Виноградов 1969 — Виноградов В. В. Основные вопросы и задачи изучения русского языка до XVIII в. //Вопросы языкознания, 1969.— № 6.— С. 3—34.

Виноградов 1978 — Виноградов В. В. О связях истории русского литературного языка с исторической диалектологией //Виноградов В. В. Избранные труды. История русского литературного языка.— М.: Наука, 1978.— С. 206—215.

Витов 1964 Витов М. В. Этнические компоненты русского населения Севера /в связи с историей колонизации XI—XVII вв./.— М.: Наука, 1964.

Герд 1972 — Герд А. С. Роль речевых ситуаций в формировании регионального языка. /К истории языка Пскова/: Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка. Тезисы.— М.: АН СССР, 1982.—С. 206—208.

Герд 1984 — Герд А. С. О севернорусской лексике в псковских говорах //Эволюция лексической системы севернорусских говоров.— Вологда, 1984, с. 3—8.

Горшкова 1972 — Горшкова К. В. Историческая диалектология русского языка.— М.: Просвещение, 1972.

Готье 1937 — Готье Ю. В. Замосковный край в XVII в.- Изд. 2.— М., 1937.

Грузберг 1974 — Грузберг А. А. Частотный словарь русского языка второй половины XVI — начала XVII века.— Пермь, 1974.

Дерягин 1966 — Дерягин В. Я. О развитии диалектов Архангельской области по данным истории и географии слов: Автореф. дисс... канд. фплол. наук.— М. /Ин-т рус. яз. АН СССР/, 1966.

Дерягин 1968 — Дерягин В. Я. Из истории лингвистических изоглосс в говорах Архангельской области.— Этимология. 1966.- М.: Наука, 1968.— С. 167—188.

Дерягин, Комягина 1968 — Дерягин В. Я., Комягина Л. П. Из истории диалектных границ в северной России. //Вопросы языкознания, 1968.— № 6.— С. 109—119.

Древняя одежда 1986 — Древняя одежда народов Восточной Европы: Материалы к историко-этнографическому атласу.— М.: Наука, 1986.

Ист. лексики 1981 — История лексики русского литературного языка конца XVII — начала XIX века.— М.: Наука, 1981.

Ист. СССР 1967 — История СССР. I серия.— Т. 3.— М.: Наука, 1967.

Ист. укр. мови 1983 — Історія української мови. Лексика і фразеологія.— Київ: Наукова думка, 1983.

Кизеветтер 1919 — Кизеветтер А. А. Русский север.— Вологда, 1919.

Ковтун 1963 — Ковтун Л. С. Русская лексикография эпохи средневековья.— М.: Л.: Наука, 1963.

Козырев 1970 — Козырев И. С. Очерки по сравнительно-исторической лексикологии русского и белорусского языков.— Орел, 1970.

Комягина 1971 — Комягина Л. П. Лексический атлас Архангельской области. //Русская речь, 1971.— № 3.— С. 86—95.

Комягина 1984 — Комягина Л. П. Соотношение лингвистических и этнографических ареалов на территории Архангельской области //Эволюция лексической системы севернорусских говоров.— Вологда, 1984, с. 8—19.

Костомаров 1887 — Костомаров Н. Очерки домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI—XVII столетиях.— Изд. 2.— СПб., 1887.

Котков 1960 — Котков С. И. Об образовании восточнославянских национальных литературных языков //Вопросы языкознания, 1960.— № 1.— С. 60—62.

Котков 1963 — Котков С. И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии /фонетика и морфология/.— М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Котков 1970 — Котков С. И. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII вв.— М.: Наука, 1970.

Котков 1975 — Котков С. И. Памятники русской письменности и историческая диалектография //Вопросы языкознания, 1975.— № 2.— С. 12—21.

Кукушкина 1977 — Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки русского Севера. /Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII вв./.— М.; Л.: Наука, 1977.

Ларин 1936 — Ларин Б. А. Проект древнерусского словаря /принципы, инструкции, источники/.— М.; Л., 1936.

Ларин 1959 — Ларин Б. А. Русско-английский словарь — дневник Ричарда Джемса /1618—1619 гг./.— Л.: изд-во ЛГУ, 1959.

Ларин 1975 — Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка /X — середина XVIII в./.— М.: Высшая школа, 1975.

Лебедева, Маслова 1967 — Лебедева Н. П., Маслова Г. С. Русская крестьянская одежда XIX — начала XX в. //Русские. Историко-этнографический атлас.— М.: Наука, 1967, с. 193—267.

Локоч 1972 — Lokotsch K. Etymologisches Wörterbuch der europaischen Wörter orientalischen Ursprungs.— Heidelberg, 1972.

Марченко 1964 — Марченко Е. З. Названия одежды и головных уборов в старобелорусском языке XV—XVI вв. /на материале деловых памятников Великого княжества Литовского/ //Уч. зап. вузов Литовской ССР, языкознание.— Вып. XIII, 1964.— С. 93—114.

Марченко 1965 — Марченко Е. З. Бытовая предметная лексика в старобелорусских памятниках деловой письменности XV—XVI вв.: Автореф. дисс... канд. филол. наук.— Минск, 1964.

Мерзон, Тихонов 1960 — Мерзон А. П., Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка /XVII в./.— М.: изд-во АН СССР, 1960.

Миронова 1977 — Миронова Г. М. Назви верхнього одягу в давньоруській мові //Мовознавство, 1977.— № 6.— С. 77—86.

Миронова 1978 — Миронова Г. М. Названия одежды в древнерусском языке: Автореф. дис... канд. филолог. наук.— Киев, 1978.

Муравьев, Самаркин 1973 — Муравьев А. В., Самаркин В. В. Историческая география эпохи феодализма /Западная Европа и Россия в V—XVII вв.— М.: Просвещение, 1973.

Нимчук 1984 — Нимчук В. В. К вопросу об украинской диахронической лингвогеографии: Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка. Тезисы.— М., 1984, с. 85—86.

Обнорский 1960 — Обнорский С. П. Избранные работы по русскому языку.— М.: Учпедгиз, 1960.

Образ. севернорус. наречия 1970 — Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. По материалам лингвистической географии.— М.: Наука, 1970.

Общ. проблемы 1969 — Общие проблемы диалектологии и истории языка. Ответы на вопросник.— М., 1969.

Очерки колон. 1922 — Очерки по истории колонизации Севера.— Вып. 1.— Птр., 1922.

Палагина 1973 — Палагина В. В. Реконструкция исходного состояния вторичного говора /на материале томского говора/: Автореф. дисс... доктора филолог. наук.— Новосибирск, 1973.

Полякова 1977 — Полякова Е. Н. Названия предметов одежды в пермских памятниках XVII — начала XVIII века //Лингвистическое краеведение Прикамья.— Пермь, 1977.— С. 42—52.

Работнова 1964 — Работнова И. П. Русская народная одежда.— М.: Искусство, 1964.

Розов 1971 — Розов Н. Н. Русская рукописная книга. Этюды и характеристики.— Л.: Наука, 1971.

Селищев 1968 — Селищев А. М. Диалектологический очерк Сибири //Селищев А. М. Избранные труды.— М.: Просвещение, 1968.— С. 223—389.

Соколова 1958 — Соколова Н. К. К истории воронежской диалектной лексики //Славянский сборник.— Вып. 2.— Воронеж, 1958, с. 175—183.

Срезневский 1851 — Срезневский И. И. Замечания о материалах для географии русского языка //Вестник Русского географического общества, 1851.— Ч. 1.— Кн. 1.— Отд. 5.— С. 1—24.

Судаков 1973 — Судаков Г. В. Грамотность и книжная культура вологжан в XVII веке //Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник.— Вып. 3.— Вологда, 1973.— С. 215—226.

Судаков 1983 — Судаков Г. В. Лексикология старорусского языка /предметно-бытовая лексика/.— М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1983.

Судаков 1984 — Судаков Г. В. Источники для изучения истории русской лексики //Источниковедческие и текстологические материалы в лингвистических курсах.— М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1984.— С. 30—45.

Судаков 1985 — Судаков Г. В. Лексические диалектизмы и диалектные объединения языка Московской Руси //Вопросы языкознания, 1985.— № 5.— С. 83—93.

Судаков 1986 — Судаков Г. В. Лексические связи среднерусских говоров в русском языке преднационального периода //Среднерусские говоры.— Калинин: КГУ, 1986.— С. 55—64.

Сухачев 1974 — Сухачев Н. Л. Лингвистические атласы и карты //Проблемы картографирования в языкознании и этнографии.— Л.: Наука, 1974.— С. 33—43.

Танков 1913 — Танков А. А. Историческая летопись курского дворянства.— М., 1913.

Тверская 1959 — Тверская Д. И. Москва второй половины XVII в.— М.: ГИМ, 1959.

Трубачев 1967 — Трубачев О. Н. Из славяно-иранских лексических отношений //Этимология. 1965: М.: Наука, 1967.— С. 3—81.

Филин 1949 — Филин Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи /по материалам летописей/ //Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1949.— Т. 80.

Филин 1968 — Филин Ф. П. Некоторые проблемы реконструкции древнерусских диалектов //Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации.— М.: Наука, 1968.— С. 379—392.

Филин 1982 — Филин Ф. П. О лексике древнерусского языка.— /Вопросы языкознания, 1982.— № 3.— С. 3—18.

Хабургаев 1966 — Хабургаев Г. А. Заметки по исторической фонетике южновеликорусского наречия. /Введение. Вокализм/ //Уч. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской.— Т. 163.— Вып. 12, 1966.— С. 278—309.

Хабургаев 1980 — Хабургаев Г. А. Становление русского языка /пособие по исторической грамматике/.— М.: Высшая школа, 1980.

Чайкина 1975 — Чайкина Ю. И. Вопросы истории лексики Белозерья //Очерки по лексике севернорусских говоров.— Вологда, 1975, с. 3—187.

Чайкина 1976 — Чайкина Ю. И. Из истории диалектных границ в связи с заселением Северной Руси //Вопросы языкознания, 1976.— № 2.— С. 106—119.

Черных 1956 — Черных П. Я. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период.— М.: МГУ, 1956.

Черных 1958 — Черных П. Я. О начале и характере формирования русского национального языка //Филологические науки, 1958.— № 3.— С. 130—142.

Шаповалова 1983 — Шаповалова Г. А. Лексика русского ремесла в деловой письменности XVII века /портновское дело/: Автореф. дис... канд. филол. наук.— Киев, 1983.

Шахматов 1894 — Шахматов А. А. К вопросу об образовании русских наречий //Русский филологический вестник.— Варшава, 1894.— № 3.

Шахматов 1916 — Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка.— Ч. 1. Пг., 1916.

Шмелев 1973 — Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики /на материале русского языка/.— М.: Наука, 1973.

Указатель слов

азям 29
а/о/поло/у/ник 43, 52, 67
армяк 5, 13, 29
баба 66
бадья 14
багоръ 13
багръ 13
багряница 13
балахон 13, 28
ба/о/рмиха 30, 38
башмак 14
безрукавка 26, 62
белиленка 50, 54
белильница 14
белье 13, 14, 15, 21
бересте/я/ники 36, 59
берестень 46, 53, 66
бехтерь 46, 59
бешмет 29, 38
блюдо 14

блюдце 14
бострог 62
бочка 14
бочонок 14
братина 14
брусок 41, 51
бумажник 48, 53, 63, 65
бумажница 48, 59
бурак 46, 53, 58
бурка 28
бусарка 59
бусырь 59
ваплянка 40, 51
вар/ь/ги 34, 62
варе/и,я/га 5, 13, 34
варенги 34
вачеги 34, 39, 57
ве/я/за/е,я/ницы 13, 34
везе/о/нки 34, 39, 62
веко 42, 51
венец 33
ведро 14
веретище 47, 53
веретье 47
верхи 34, 39, 57
верхник 31, 38, 57
верхница 18, 21, 30, 34, 38, 58, 59, 65
верхон/ь/ки 34, 39, 57
вершки 62
влагалище 14
власяница 13
водонос 14
водяницы 58
волосник 33
волосяники 36
вороненка 58
вороновка 58
воронок 41, 51
ворот 13
воротник 13
вороток 18, 21
восвище 47, 53, 60
вретище 13
галенок 14
галин/а/ 44, 52, 58
гарнец 49, 54, 62, 69
гачи 21, 23
гащи 21, 23, 25
главотяг 14
главотяж/а/ 14
голица 5, 14, 34
головы 36, 38, 57
горшок 14
грохот 42, 52
гуня 13
деготница 62
дежа 43, 68
деланка 62
делва 14
дельницы 34, 39, 57
десятня 14
дея/и/льницы 34, 39, 58
деяницы 34, 39, 58
доиленка 43, 59
дойник 43, 52
долгари 36, 59
доломан 13
достакан 41
доха 66
дошник 44
дощан 44
дубленицы 34, 39, 57
дубленки 34, 59
дупелька 58
дуплянка 44, 52, 57
дылся 29, 38, 51, 63
емурлук 13, 28
ендова 14, 51, 68
епанча 13
жупан 29, 38, 67
завеска 32, 59
завитуха 59
занавеска 32
запаска 32, 62
запон 13
запояска 32, 62
заторник 42, 51, 67
зеленка 58
зепь 14, 48
зипун 5, 13
зипунишко 5
зобня 46, 53, 57, 65
игольник 47, 53, 62
игольница 47, 53, 62
игольня 47
извара 44, 52
исподка 17, 21, 30, 35, 59
исподница 17, 35, 59
исцель 59
кабат 29
кадка 14
кадулька 44, 52, 58
кадушка 44
кадца 44, 52
кадь 14
казан 42, 52, 66
калита 48, 53
калитка 41, 51
камошницы 59
кан/ь/ги 36, 38
кадиль 62

кандея 51, 62
канна 41, 51
каптур 33, 39
карман 48
катанка 31, 38, 61, 63
кафтан 5, 13
каюк 62
кварта 49, 54, 62
квасник 14, 67
квашня 43, 52, 68
кичка 33, 39
клея/е/ленка 50
клеяльница 50, 54
кляга 62
кнея 41, 51
кодман 31
кожан 13
кожницы 59
кожух 13
козица 48, 54
козушка 48, 54
ковш 14
кокошник 14, 33
колпак 14
колодка 49, 54
комяга 53, 62
конюх 41, 51
кореннник 49, 59
кореноватик 49, 54
корец 5, 14
корзина 46, 53, 63, 65
короб 14
коробейка 46, 53
коробец 59
коробка 14
коробчик 46, 59
коробья 14, 46, 53, 58
кортель 30, 38, 58
корчага 5, 14
копица 62
корыто 14
косник 33, 39
костолан 28
костычь 31, 38, 59
косяк 41, 51, 65
котел 14
коты 36, 38
котыга 20, 21
кошелка 5, 62
кошель 46, 53, 57
кошница 14
кошуля 20, 30, 38
кошуха 59
крашенинник 31
крестоватик 59
кринница 43, 59
кринка 43, 52, 68
кромка 31, 39, 58
крошня 46, 53
куб 14
кубец 14
кубок 14
кубышка 14
кувшин 14, 62
кузов 14, 46, 53, 63, 65
кукшин 51
кулек 14
куль 14
кумачник 31, 38, 57
кумган 51, 68
куиган 14, 68
кунтыш 31
курпы 58
курта 63
куртка 13, 26, 63
куфа 44
кушак 13
кушин 41, 51
лагвица 44, 59, 69
лаговка 44, 52, 59
лагун 44, 52, 63, 65
лагушка 44, 52
лазбень 44, 52, 62
лапотница 47, 53, 60
лапоть 14
ларец 14
ларь 49, 54, 58
латка 42, 51, 57, 61
лежанка 44, 52, 58
лежатка 44, 58
лежка 44, 58
летник 13
лжица 14
лжично 58
лимонник 40
линовка 59
ложка 14
лопоть 28, 38, 58, 65
лотанишко 28
лохань 14
луб 46, 53, 62
лукно 46
лукошко 5, 14
льнянница 20, 21
магирка 33, 39, 62
мазница 44
малье 36, 38, 57
малица 66
масленик 43
масле/я/нка 40, 51, 58
мастюшка 43, 52, 62
матица 47

махотка 43, 52, 62
меде/я/ник 42, 51, 65
медник 42
мера 14
мерник 44, 52
мех 14
мешок 14
мещелка 58
мещерка 47
молостов 43, 52, 68
моршень 36, 38
мошна/я/ 14, 48, 54
мурманка 33, 39, 61
мятель 13, 28, 38
нагрудник 28, 32
надолонки 35, 39, 57
напол 5, 44, 52, 62
наряд 13
насадка 44, 53, 62, 66
насыпка 49, 54
ногавицы 14
наметка 33
носок 44, 53, 58
ночвы 14, 69
обувение 13
обувь 13
обутель 13
обутка 36
обуток 36, 38, 58
обуща 13
обуя 36, 39, 58, 65
огуречник 59
одевальница 30, 38, 57
одежа 13
одежда 13
одеяло 30
одеяние 13
однорядка 5, 13
ожерелье 13
олове/я/ник 14, 41, 51
онуча 14
опашень 5, 13
опояска 13, 32
осташевка 53, 62
осьмина 14
охабень 13
охоратки 59
ошетни 59
ошивка 33
панна 59
пантюха 58
панчохи 36, 39, 62
парка 66
перевязка 5, 14, 33
передник 32
передовик 32, 58
переч/ш/ница 40, 51
перешничек 40, 59
персницы 35
перстянки 35, 39
перстятицы 35
перчатки 35, 62
пестерь 46, 53, 58
пещерь 46, 53
пимы 36, 39, 58, 59, 65
питушка 41, 51, 62
платно 28
платье 13, 14, 15
плат 14
платяное 28, 38, 57
плаха 40, 51
плахта 62
плетеницы 58
плошка 42, 51, 59, 66
плюндры 21, 25
поваренка 43, 52, 58, 67
поварница 43, 52, 58, 65, 67
повязка 33, 39, 61
погребец 14
подголовок 14, 49, 63
подзатыльник 14
подойник 43, 52, 57, 61
подойница 43, 59
подпояска 32, 39, 62, 68
подстав/а/ 42
подставка 42
подубрусник 33
покров 14
покромь 32, 61
покрывало 14
полуголенки 36, 39, 58, 61
полукафтан 13
полукушачье 31, 39, 58, 65
полустопье 41
понева 31, 38, 58, 61, 62, 67
порочка 43, 59
порт 21
портище 13
портное 13
портки 13, 21, 22, 23, 25, 67
порточки 23
портченка 23
портчиш/ь/ка 23
порты 13, 21, 22, 23, 67
поршни 36, 39, 58
постав 14
поставец 50, 54
поставня 43, 62
посуда 13, 26
пошев 14, 46, 53
пояс 13

приволока 28, 38, 62
приголовок 49, 54
призголовок 49, 54, 58, 65
прикадок 62
прикопытки 37, 59
притачки 37, 39
пришвы 37
пришитки 37, 39
пуз 59, 69
пукши 21, 23, 24, 30, 38
ра/о/сстегай 31
ремень 32, 39, 58, 68
решетки 42, 51, 57, 61
решето 14
риза 13
ровдужницы 59
рогожа 47, 53, 58
рогоза 47, 53, 65
рогозина 47, 53
росольник 40, 51
рубаха 13, 15, 16, 19, 20, 21, 67
рубаша 15, 16
рубашенка 15
рубашенцо 15
рубашечка 15
рубашка 13, 15, 16, 18, 19, 20, 21, 67
рубашкишка 15
рубище 13
рукав 14, 35
рукавица 14, 35
рукавка 14, 35, 39
рукомой 50, 54
рукомойка 50, 54, 59
рукомойник 14
рукомытник 50
румян/и/ница 50
садовница 62
санаяк 66
сандалия 14
сарафан 13, 67
сапог 14
саян 31, 38, 62
сбитень 30
свита 13
свитка 28, 31, 38, 57, 58, 65
севальник 62
седун 42, 59
селедовка 53, 62
сельник 62
сельница 42, 52, 58
сермяга 13
сетка 33, 39
сеяльница 42, 52, 58
сеяница 43, 58
сине/я/вка 31, 38, 62
скляница 14
скоб/п/карь 41, 51
сковорода 14
сковородка 14
скрешни 59
скрыня 49, 54
снованка 62
снур 62
солдатка 30, 38, 58
солоница 14, 40
солонка 14, 40
сорока 14
сорочица 18, 21
сорочка 13, 18, 19, 20, 21, 67
спускник 42, 52, 67
срачица 13, 18, 20, 21
ставец 5, 14
ставик 58
стойка 5, 44
стречни 37, 39, 58
ступни 37
сосуд 13
судница 50, 54, 60
судно 13
судня 50, 62
судки 14
сукман 31, 38
сукник 28, 38, 57
сукня 31
суконник 28, 38
сума 14
сундук 14, 63
стоятня 66
сусленик 42, 59
/с/щепье 40
таз 50, 54
тарелка 40, 51
тарель 14, 40
тартовка 66
татаур 32, 39
тафья 14
телогрея 13
торбосы 37, 66
треух 14
тусс 46, 53, 63
тулуп 13, 30, 66
убор 13
убрус 14, 33
увясло 14
уксусник 40, 51
уксусница 40, 51
уле/я/ди 37, 39, 57, 65
уледни 37, 39, 57
унты 37, 39, 57
упаки 37, 39
уполовник 14, 43, 52, 67
уполовня 43, 59

уполоник 62
утка 51, 58, 65
ушат 44, 52, 66
ушатец 59
ушатник 58
фартук 32, 39, 61, 63
фата 14
ферези 13
фляга 41, 51
хамгла 32, 58
хамьян 48, 54, 59
хлебенка 59
хлебница 40
холодник 31, 38
холщага 16, 59
холщевеица 16
холщевица 16, 30, 59
холщевка 16
холщевия 16, 59
хустка 62
цепник 42, 52, 67
цепня 59
циновка 47, 53, 60
чан 14, 63
чапурка 66
чара 14
чарка 14
чарки 37, 39, 61
чаша 14, 52, 58
чашка 14
чван 14
чебот 67
чекмень 13
чемодан 47, 63
чепец 14
через 14, 48
череп 43, 52
четверик 49, 54
четвертина 14
четверток 49
четверть 14
чехлик 20
чехол 20, 21
чоп 42, 52, 62, 68
чуга 29
чулок 14, 67
чюмик 43
чюмич 43, 52, 67
шабур 28, 38, 59, 65
шадра 58
шайка 14, 63
шалгун 47, 53, 58
шапка 14
шаровары 21, 25, 67
шаф 50
шкап 50
шкатула 49
шкатулка 49, 54, 63
шлык 33, 39, 62
шляпа 14
штаники 24
штанишка 24
штаны 13, 21—25
шуба 13
шубка 13
шубник 30, 57
шубницы 35, 39, 58
шубняк 30, 38
шушпан 31, 38, 58
шушун 31, 38, 57, 65
щепа 40, 51
юпа 29, 38
юпка 26, 29
яка 66
яндова 41, 51, 68
яндовочник 59
ярыгъ 13
яры 37, 39, 58
ящик 14

СОДЕРЖАНИЕ

Состояние и проблемы лингвогеографического изучения старорусской лексики 3

Методы и источники исследования 7

Общерусское и местное в составе старорусского бытового словаря . 13

География и частота употребления названий одежды и утвари в русском языке XVI—XVII вв. 25

Лексические локализмы и диалектные объединения языка Московской Руси XVI—XVII вв. 54

Выводы 69

Источники 71

Литература 74

Указатель слов 77